

Феникс Лазурный

Влад Сэд

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Влад Сэд
Феникс Лазурный

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Влад Сэд

Феникс Лазурный / Влад Сэд — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Не выдержавший испытания кризисом среднего возраста обычный, среднестатистический офисный работник решает уйти из жизни. Как оказалось это может привести к совсем не тем последствиям, чем ожидалось. Дальнейшая череда событий, словно водоворот втягивает в себя все новых и новых людей, так что никто из них уже не может остаться прежним и жить своей обычной жизнью. Содержит нецензурную брань.

© Влад Сэд, 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава 1 Конец	6
Глава 2 Санитар Рыбкин.	10
Глава 3 Первое знакомство на том свете.	14
Глава 4 Утро в доме мясника	18
Глава 5 Поработай сверхурочно.	24
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Влад Сэд

Феникс Лазурный

Пролог

Говорят, человеческая память похожа на море. Случается так, что она, словно в сильный шторм, окатывает тебя с ног до головы волнами воспоминаний, а бывает, наоборот становится спокойной и неподвижной настолько, что ты часами не можешь вспомнить ни единого нужного момента. В последнее время со мной происходит нечто среднее между двумя этими состояниями: задумавшись о чем-то, я могу надолго уйти от реальности, и выглядит все это так, словно я пытаюсь утонуть в своем прошлом, мысленно погрузившись куда-то очень глубоко в омут своих воспоминаний.

Каждый день, с наступлением вечера, когда солнце уже начинает скрываться за горизонтом, а тени от близлежащих домов и деревьев становятся все длиннее, я снова и снова мысленно возвращаюсь туда, на несколько лет назад, в тот октябрь, когда все мое счастье было на расстоянии вытянутой руки. В своих поисках, я тогда каким-то чудом оказался в небольшом провинциальном городке. Я был наивен, полагая, что легко найду нужный мне адрес, но реальность того места оказалась иной, в вечернем полумраке, все дома и улицы для меня выглядели пугающе одинаково. Наконец, на одном из указателей, стоящих на обочине дороги, я замечаю надпись – «улица Молодости», значит, где-то неподалеку находится нужный мне адрес. В том доме, что ишу я, живет женщина, ради которой я и проделал весь свой неблизкий путь в этот город. Она – моя цель и смысл жизни, по крайней мере, на этот вечер. Я знаю, что она где-то рядом и скорее всего даже не ожидает моего появления. Неизвестность страшит мой разум и сердце, и, хотя финал мне заранее известен, я все равно иду туда, словно надеюсь на то, что в этот раз все изменится и «пазл» сложится иначе. Мне предстоит долгий путь, а это значит, что мои вечер и ночь снова будут бессонными. От таких воспоминаний непросто избавиться. Проще всего конечно же внушить себе, что все это неправда или вообще попытаться все позабыть, но тогда это будет уже не моя история, и я стану таким же как все, потеряв то небольшое, что позволяет определять себя как личность. Нет, я не смогу так поступить. Никто не смог бы пройти этот путь так как я. Моя история одиночества захватила окружающих меня людей, изменив их судьбы навсегда. Все они преследовали свои цели, и в конечном счете кому-то это удалось, кому-то нет. Кто-то назовет это судьбой, я же уверен, что в этой жизни каждый получает лишь то чего заслуживает.

Моя история должна была закончиться так и не начавшись, но вышло иначе. Цепочка случайностей, когда одно накладывается на другое, словно костяшки в домино, привела к непредсказуемому результату, так что никто не мог даже предположить каким будет финал. Оставалось только лишь надеяться на то, что в какой-то мере он будет благополучным.

Глава 1 Конец

Воскресенье 10 Октября

«Ты еще не жил, а твоя жизнь уже заканчивается»

Сырая, осенняя ночь. Спальный район на окраине большого мегаполиса. *Здесь почти нет деревьев и зеленой травы, вместо этого лишь бескрайние асфальтовые поля-парковки для автомобилей и огромные кварталы из хаотично построенных многоэтажек.* На широкой и плоской крыше самой высокой из них, виднеется темный, едва заметный силуэт одинокой фигуры человека. И никому до этого нет дела. Всем все равно. Такой картиной здесь уже давно никого особенно не удивить, в округе всегда полно бродяг и просто любителей острых ощущений. Мало ли что может человек делать на крыше. Кому-то нужно переночевать, кому-то сделать красивое селфи, а кто-то, возможно, перебрал с алкоголем или каким-то другими веществами для расширения своего сознания.

Увидев человека, стоящего на крыше многоэтажки, в любой другой день, я бы тоже равнодушно прошел мимо, но в этот раз все совсем иначе. Ведь тот странный человек, стоящий на крыше, это я. Впервые в своей жизни мне довелось очутиться ночью на такой высоте. Здесь, наверху, постоянно дует холодный, пронизывающий насквозь ветер, осколки разбитых бутылок хрустят под ногами, словно остатки былых надежд, а над головой, нависает темное, хмурое небо, плотно затянутое тучами. Я пришел сюда этой ночью, вовсе не для того, чтобы полюбоваться ночными видами города. Моя цель совсем другая – я хочу уйти из жизни. Из всех возможных способов покончить с собой, я выбрал прыжок с большой высоты, для того, чтобы в последние секунды перед смертью испытать чувство абсолютной свободы своей души и невесомости тела. Я хочу взлететь вверх, а затем камнем упасть на землю, где разбиться и сгореть дотла, словно сказочная птица феникс из древней легенды. В детстве у меня была книжка с этой сказкой, и я часто перечитывал ее, мечтая когда-нибудь стать тем, кто может возродиться из пепла ни смотря ни на что. Жаль, что это всего лишь красивый миф, поэтому мне остается только слабая надежда на возможное перерождение своей души в новом обличье. Самое главное при этом только забыть всю свою прошлую жизнь.

Шаг за шагом я медленно приблизился к самому краю крыши и теперь неподвижно стою на месте, смотря на огни ночного города. Где-то там, далеко внизу, на грешной земле, осталась моя прежняя жизнь, мои глупые мечты, надежды, цели и стремления. Все это сейчас не имеет для меня уже никакого смысла и похоже на гору старых, ненужных книг, выброшенных на помойку. Отказаться от всего, что удерживало меня в этой жизни, было непросто. Но, как оказалось, желание увидеть, что же находится там «за горизонтом» стало гораздо сильнее жалких попыток найти причины для того, чтобы жить дальше. Теперь мне остался лишь последний шаг, и он самый трудный. Жалкие остатки самолюбия и «саможаления» все еще свербят, где-то глубоко внутри меня, пытаюсь внушить, что надежда на лучшее все-таки есть, нужно просто спуститься вниз и все образуется, а затем постепенно станет лучше. Мне хочется уйти с этой крыши, и снова вернуться в привычный круг событий, чтобы начать свою жизнь с нуля или как многие говорят с чистого листа. Спасибо, только не в этот раз. Сколько же раз я уже пытался начинать свою жизнь заново и точно знаю, что все это не более чем мотивационная чушь для любителей откладывать свои дела на потом. Каждый новый день, неделю, месяц, год они говорят себе одно и то же: «Завтра все будет по-другому, не так как раньше». А затем наступает то самое завтра и все повторяется вновь, а вечером снова будут бесконечные обещания самому себе, которые никогда не сбудутся.

Оглядываясь назад в свое прошлое, я задаю себе только лишь один вопрос: «Чем же была, по сути моя жизнь?». И если говорить честно, то, скорее всего, не более чем крошечным промежутком времени между работой и снова работой. В чередке похожих друг на друга

дней, грани времени стираются настолько, что ты уже не можешь отличить один день от другого, неделю от недели, год от года. Все происходящее вокруг тебя превращаются в один большой черно-белый мультик, лишенный какого-либо смысла – ты вроде бы видишь что-то, но не можешь вспомнить, что это было и зачем. В этом замкнутом круге, почти все твоё время занимает работа, то место, где от тебя требуется приложить все силы, чтобы получить свою зарплату, а затем вечером прийти домой и забиться в свой угол, укрывшись от всего мира на несколько часов. Такова обычная жизнь, рядового человека, в этом нет ничего особенного. Так будет продолжаться каждый день из года в год, ровно до тех пор, пока ты не выбьешься из сил, став совсем старым и беспомощным, и вот только тогда тебя переведут на подачку от государства, под названием пенсия. Это ни много ни мало, а ровно столько, чтобы не умереть с голоду, почти что пайка узника концлагеря, ради которой нужно работать всю свою жизнь.

«Бессмысленность прожитых дней, безрадостность сделанных дел*» – фраза из одной старой песни уже давно засела в моей голове на бесконечном повторе. К этому добавилось постоянное осознание того, что я никому не нужен, во всех делах всегда один и в лучшем случае, окружающие люди меня просто используют для достижения своих личных целей. Помнится в той песне была еще такая фраза: «Казалось, что я сильнее и что далеко предел*». Да, все так, откуда он это знает? Он словно проникает в душу людей, когда пишет свои стихи. Вот только он будет жить, а я умру.

Послушав меня, кто-то может сказать: «Что, ты ноешь? Не хочешь, не работай. Стань бездомным или брось все свои дела и уезжай в теплые края. На кусок хлеба там хватит, а жилье и одежда не особо то и нужны. Выбор ведь только за тобой». Не спорю, выбор есть всегда, дилемма быть или не быть существует почти столько же, сколько существует сам человек. Об этом можно рассуждать бесконечно, но я знаю, что человек даже на новое место, все равно привозит с собой себя и свои проблемы. Думаю, финал для меня везде будет один и тот же – зачем только портить собой красивое место?

Собравшись с силами, я делаю несколько крошечных шажков вперед и вот я уже на краю крыши, стою двумя ногами на бетонном парапете, а носки моих ботинок свисают над темной пустотой. «Что теперь?» -спрашиваю я себя, – Просто шаг вперед и все? А может быть лучше повернуться спиной и сделать шаг назад, чтобы, падая вниз, в последний раз увидеть небо? «Да, так определенно будет лучше, только вот какое сейчас небо? Нужно было мне тогда прыгать днем, а сейчас темно и ничего не видно. Хотя можно ведь немного подождать пока луна выйдет из-за туч». Небо над моей головой было действительно сильно затянуто тучами, но свет от луны все же иногда пробивался сквозь них, через несколько мгновений он снова осветил ту часть крыши, где стоял я, поэтому чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, я спустился с парапета вниз и присел на корточки. Не хочу, чтобы меня приняли за тупого позера, который забирается на высокий мост или выходит на крышу здания, а затем стоит так часами, устраивая спектакль перед толпами зевак, дешевых «журналигов» и полиции. Никто обычно не жалеет таких людей, толпа, стоящая внизу, просто достает свои смартфоны и начинает снимать в ожидании шок-контента. Все ждут, что стоящий наверху человек спрыгнет и разобьется, тем самым внеся хоть какое-то разнообразие в их скучную обывательскую жизнь, но не тут-то было. Вдоволь потрепав всем нервы, неудачливый самоубийца великодушно позволяет себя спасти, затем картинно плачет и радуется, что остался жив, а во всех новостных лентах публикуются радостные статейки о чудесном спасении еще одной заблудшей души. Мне такая популярность не нужна. Я считаю, что, если ты решил уходить – уходи тихо. Сейчас я подожду еще немного, пока станет темно и продолжу.

Ожидание этого момента мне кажется вечностью, вот еще секунда две, три, все, вперед. Я быстро оказываюсь на краю крыши, вокруг меня почти полная темнота. Закрыв свои глаза, я делаю шаг вперед. Мое тело проваливается в невесомость, в ушах бешено свистит ветер, а в

душе ощущения свободы и легкости. Через несколько мгновений все это резко заканчивается, мое тело сотрясает сильнейший удар

* Дельфин – «Июнь»

об что-то твердое, я слышу звуки гнущегося металла и звон разбитого стекла, но боль от этого почти не чувствуется из-за избытка адреналина. Остатки сознания очень быстро покидают мое тело, а к темноте снаружи добавляется темнота внутри.

Не знаю, сколько времени прошло после моего падения, но внезапно где-то сверху, над моей головой включился яркий свет, и я открыл глаза. В тот момент я лежал на чем-то холодном и твердом, полностью обнаженный, при этом накрытый с головой по-видимому какой-то то ли простыней то ли чем-то другим, похожим на плотную ткань. Сквозь нее мне трудно было хоть что-либо разглядеть, поэтому первым моим желанием было конечно же освободить свое лицо, но к несчастью мое тело меня совсем не слушалось, оно словно задеревенело от холода, так что мне ничего не оставалось как неподвижно лежать, слушая то что происходит вокруг. Откуда-то со стороны до меня доносились громкие звуки бормашины или какого-то другого сверляще-пилящего инструмента. Этот противный, мерзкий звук неприятным эхом звенел в моих ушах.

В таком положении я пролежал еще какое-то время, то впадая в забытие, то возвращаясь в сознание. Контроль над своим телом постепенно возвращался ко мне, а с ним возвращалась и боль, настолько сильная, что от нее мое тело становилось напряженным как струна, а зубы сжались намертво. В таких условиях мне было непросто даже хоть немного пошевелить своей рукой или ногой, поэтому я решил для начала попытаться освободить лицо от закрывавшей его простыни. Превозмогая боль, я начал двигать своей головой вверх, вниз и по сторонам. После нескольких попыток, мне все же удалось немного сдвинуть со своего лица край плотной ткани, и я, наконец, смог увидеть то место, где оказался. Я лежал на старой больничной каталке в огромном подвальном помещении с высоким потолком и стенами покрытыми серой плиткой. Холодный свет электрических светильников, ярко освещал все углы и закоулки этого зала. Чуть поодаль от меня стояла точно такая же больничная каталка, на которой, виднелся силуэт какого-то другого человека, точно также как и я полностью накрытого белой простыней. Увиденное совсем не прибавило мне оптимизма. «Где же я? Может в больничной палате или в операционной?» – испуганно спрашивал я себя.

Через некоторое время я понял, что мой сосед справа лежит уж как-то слишком спокойно и неподвижно. И от неожиданной догадки у меня прошел мороз по коже. «Да это же покойник, я что в морге? Но ведь я же не умер» – в ужасе подумал я. От осознания всей кошмарности ситуации мне захотелось кричать, но я не мог произнести ни звука, казалось, что мои губы будто чем-то склеены. В это время в моей голове одна за другой пролетали тревожные мысли, в которых я ругал себя за неудачливый план собственного самоубийства: «Ты же прыгнул с крыши, идиот, ты должен быть мертв, но ты не умер, ты даже не смог нормально уйти из жизни, поэтому теперь ты будешь парализованным бревном лежать в хосписе до конца своей жизни». Мои губы беззвучно шевелились, но выговорить я ничего не мог, а из моих глаз текли слезы. «Неужели этот кошмар не закончился? Я что вернулся назад? Или это уже ад?» – думал я, – Так я и жил в аду, как в той шутке о жителях одного города, что после смерти вместо ада снова попадают обратно к себе в свой город». В отчаянии, из последних сил, я все же смог поднять свою голову настолько высоко насколько мог и увидел в некотором отдалении от себя еще несколько точно таких же больничных каталок с лежащими на них покойниками, некоторые из них были накрыты белыми простынями, а другие лежали полностью закрытые в черных мешках, словно огромные, страшные гусеницы. «Наверно, я все-таки умер, и это мой первый круг ада» – решил я, после чего обессиленно уронил свою голову обратно на каталку.

Моя смерть прошла совсем не так как я себе ее представлял. Оказавшись в этом жутком, холодном подвале, я словно попал в какой-то промежуточный мир между двумя измерениями.

Это было похоже на своего рода чистилище, где решалась дальнейшая судьба моей души и тела. Как и полагается новоиспеченному покойнику, первым делом, мне предстояло встретиться с опытным и беспристрастным перевозчиком, который должен был доставить меня в царство мертвых или отправить обратно.

Глава 2 Санитар Рыбкин.

Воскресенье 10 Октября

Раннее утро, почти половина пятого. Санитар Рыбкин медленно шел по узкому больничному коридору. До конца его смены оставалось всего несколько часов, но особой радости от этого он не испытывал и в целом его настроение было весьма скверным. Сказывалась накопившаяся за долгое время усталость. Каждый день, с утра до вечера, Рыбкин с остервенением толкал по длинным коридорам больницы тяжелые каталки, часто ударяя их о двери с такой силой, что казалось, так он пытается оживить лежащих на них мертвецов. Вот уже почти две недели санитар Рыбкин трудился в таком жестком графике, дежуря сутки через сутки. От этой напряженной, изматывающей работы настроение у него ухудшалось с каждым днем, и постепенно превратилось в мрачно-депрессивное. Такие резкие перемены в жизни Рыбкину были вовсе не по нраву, поэтому он чувствовал себя словно вулкан, который должен вот-вот взорваться. А все началось с того, что один из сменщиков Рыбкина уволился, а новый, взятый на замену, не выдержав тяжких будней, запил и перестал выходить на работу. Так как в больнице, где работал Рыбкин, постоянно не хватало санитаров, то быстро заменить прогульщика было не кем. А Рыбкину пришлось работать почти на износ. От этого он стал сильно нервничать, чтобы расслабиться ему срочно требовался «алкогопинг» на выходных, но как назло вначале задержали зарплату, а затем подвел сменщик, поэтому ему пришлось нарушить свой четкий, придуманный за долгие годы, график. А распорядок у Рыбкина был плотный, но идеально выверенный: в последний день своего дежурства, перед выходными, он затаривался алкоголем, затем после окончания смены шел домой и начинал пить. А так как работал Рыбкин по графику три через три, то два дня он пил, на третий отлеживался и на следующее утро выходил на свою смену, как ни в чем не бывало. Позволить себе прогулять или не выйти в свою смену Рыбкин не мог, даже не имея медицинского образования, он в какой-то мере считал себя врачом, поэтому относился к своей работе как к призванию.

С новым сменщиком, которого не так давно взяли на работу, Рыбкин сразу же не поладил. Тому на все было «пофигу», не помогали ни разговоры, ни легкие удары кулаками по разным чувствительным частям тела. Вместо того, чтобы встать на путь исправления, сменщик Рыбкина наоборот еще больше озлобился, стал часто ни с того ни с сего заболеть или вообще исчезать куда-то без объяснения причин. В итоге Рыбкину пришлось, как говорят, дежурить и за себя, и за того парня. От этого его график труда и отдыха полностью сбился и пошел шиворот навыворот, а тело, годами приученное к стабильности, стало сбоить. Теперь Рыбкин напиивался лишь в редкие дни отгулов, не успевая толком отоспаться, поэтому стал часто приходиться на работу в адском похмелье. Его мутило, голова трещала, язык заплетался, а изо рта несло запахом перегара вперемешку с другими не совсем приятными ароматами. В таком состоянии Рыбкин старался не попадаться на глаза кому-либо из врачей, особенно начальству. В прошлый раз заведующий отделением реанимации, почувствовав резкий запах алкоголя, остановил Рыбкина в коридоре, и затем долго тряс своей большой пышной бородой, а-ля Лев Толстой, выговаривая ему что-то про клятву Гиппократата и слежение за своим здоровьем. Будучи еще не совсем в полном сознании после двухдневного марафонского запоя, Рыбкин, стоял перед невысоким зав-отделением, вытянувшись словно солдат, и с большим трудом делал вид что слушает его. Сам Рыбкин был рослый малый – высотой почти под два метра, и чтобы стать еще выше, он поднялся на цыпочки, так ему казалось, чуть меньше слышно противный, брюзжащий голос заведующего. «Срал я на всех, и на Гиппократата, и на тебя тоже» – раздраженно сказал Рыбкин, смотря в спину уходящего зав-отделением, после того как тот исчерпал весь свой набор праведных фраз, и эта моральная экзекуция была закончена. Конечно же, Рыбкин прекрасно понимал, что этот напыщенный индюк-заведующий ему по сути никто и ничего

не сможет сделать, поэтому запросто мог послать его на три буквы, но правила есть правила, субординацию начальник – подчиненный нужно соблюдать. Будь Рыбкин обычным санитаром, то за такие выходки, его бы давно уже уволили из этой больницы, но он был особенный, как говорят в спорте «из другой лиги». И вот по какой причине. Много лет назад, когда Рыбкин только пришел работать в эту больницу, он поначалу устроился обычным санитаром и чаще всего «катал» по больнице только живых людей, ну или почти живых. Немного осмотревшись, Рыбкин начал понимать, что такая работа не приносит ничего хорошего кроме головной боли от тупых приказов идиотов-врачей, а также суматошной беготни по разным корпусам больницы. Все больные постоянно жаловались на своих врачей и условия своего содержания, во всем требовали к себе очень нежного отношения, а особой изюминкой в работе санитаров становились дни, когда в больничном корпусе ломался лифт и вот тогда Рыбкин и все остальные вспоминали все виды ругательств, поднимая и спуская по лестницам лежащих пациентов. Через несколько месяцев такой работы Рыбкин настолько «задолбался», что даже начал думать об увольнении, но толком не знал, куда ему податься.

Так продолжалось еще какое-то время, Рыбкин продолжал уныло тянуть свою лямку и уже начал думать, что так будет всегда, как внезапно, ему выпал шанс все изменить. В один из дней, Рыбкин встретил едва знакомого ему санитаря, который толкал по коридору каталку с лежащим на ней абсолютно неподвижным телом, накрытым простыней полностью, то есть с головой и по всему было понятно, что ни этот санитар, ни его «пациент» уже никуда не торопятся. Рыбкин, увидев эту картину, неожиданно задумался. Он вспомнил, что и ранее замечал подобные сцены в этой больнице, но почему-то почти не обращал на них внимание, будучи загруженным в свои проблемы. Конечно же Рыбкин знал, что в подвале больницы, есть городской морг и обслуживают его свои, собственные санитары. Они держались от всех остальных особняком, почти ни с кем не общались и всегда одевались в старые, плохо отстиранные робы и халаты. Врачи и больничное начальство старались с ними особо не связываться, общались только по необходимости, да и то короткими фразами, как бы стесняясь того, что их увидят вместе. Рыбкин и сам поначалу вел себя также, ему казалось, что эти мрачные санитары из морга, словно люди из более низшей касты: слуги, уборщики, тролли, жители подземелий, поэтому он сам первым никогда не здоровался и не общался с ними. Тем не менее, встреча с этим, не очень спешащим санитаром из морга, весьма впечатлила Рыбкина: «Вот работа мечты, – подумал он, -Никуда спешить не надо, да никто и не торопит».

В итоге, после некоторых размышлений, Рыбкин твердо решил, что ему нужно попробовать перевестись работать в тот самый подвал больницы, где находился городской морг. «Трупаков» и вывороченных кишок Рыбкин совсем не боялся. Он успел насмотреться этого вдоволь, когда еще во время своей службы в армии по глупости поехал срубить легких денег в операции по «принуждению к миру» одного маленького, но очень гордого горного народа. Обдумав вечером все хорошенько за бутылкой крепкого портвейна, Рыбкин на следующий день прямо с утра пошел в отдел кадров больницы и попросил перевести его в морг или в «Тихий дом», как он сам называл это заведение. Слово морг Рыбкин не любил, да и знакомых ему людей коробило от любого упоминания об этом месте. В кадрах Рыбкина приняли на ура, словно призывника-добровольца в военкомате, так что уже через неделю Рыбкин вышел работать в свой «Тихий дом». На самом деле, тихим это место можно было называть только в кавычках. Покойников сюда везли валом, большей частью не с самой больницы, а с городских улиц. Пожилой врач-патологоанатом часто просто «вешался» от такого большого количества вскрытых животов, и распотрошенных грудных клеток. Ему часто приходилось работать почти без выходных. Иногда ближе к вечеру, когда у врача-патологоанатома уже не оставалось сил что-то делать, он уходил домой, а Рыбкин или другой дежурный санитар оставался «зашивать» покойников, а также убирать, остатки после вскрытий. В своем жаргоне Рыбкин называл этот процесс – «убрать лишние запчасти». Когда по вечерам Рыбкин, наконец, оказывался в морге

в полном одиночестве, то чувствовал себя здесь главным, почти что хозяином, и гордо расхаживал мимо холодильников и каталок с лежащими на них неподвижными трупами. Среди всех этих мертвых людей, возможно в этой жизни кто-то был умнее, кто-то моложе, кто-то красивее, кто-то богаче, а кто-то даже сильнее, чем Рыбкин. Но сейчас все изменилось, теперь он был для них всем, он отправлял их туда – в другой мир, и только он решал кто, как, когда и в каком виде отправится в последний путь.

Снаружи, у дверей морга, в больничном коридоре, постоянно стояла очередь из родственников умерших, многие из них выпрашивали, умоляли, и даже совали деньги, чтобы им как можно быстрее выдали тела их родных. Всем хотелось, чтобы именно им, первым отдали то, что осталось от их близких. Но как оказалось, чтобы нормально умереть, нужно тоже отстоять очередь. Такая вот очередная неприятная особенность крупных мегаполисов, где куда бы ты ни бежал, и как бы не спешил, все равно будет кто-то кто уже впереди тебя.

В общении с родственниками покойников Рыбкину больше всего нравилось, когда они просили его сделать что-то побыстрее, или вне очереди, в такие минуты он чувствовал себя очень важным, но при этом делал вид, что не слышит этих просьб. Как-то раз, один обезумевший от горя отец маленькой девочки, что уже неделю лежала в очереди на вскрытие, подбежал в больничном коридоре к Рыбкину, схватил его за грудки и начал кричать. Рыбкин в ответ спокойно посмотрел ему в глаза, а затем приложил свои ладони к его лицу. Почувствовав на себе этот сладкий, несмываемый запах смерти, отец девочки издал дикий вопль и резко отпрянул в сторону. Его начало рвать прямо в коридоре. Рыбкин какое-то время равнодушно смотрел на это, а затем сказал: «Закончил? Теперь уберешь за собой. Тряпка и ведро в туалете в конце коридора». После этих слов Рыбкин не спеша пошел дальше по коридору. Толпа людей, стоявших у дверей морга, в ужасе расступилась в стороны, а Рыбкин шел между ними, словно миссия дарующий то, что может смягчить страдания жаждущих. Он ощущал себя почти что богом в тот момент.

После того случая, Рыбкин сильно изменился и даже на какое-то время совсем перестал пить. Стал равнодушным он и ко многим другим «мирским» вещам: вкусная еда, женщины, деньги, даже в сравнение не шли с тем упоением, что он стал получать на работе. Когда Рыбкину пытались давать взятки, он равнодушно отталкивал от себя руки с протянутыми деньгами, говоря свою любимую фразу «в бане и в морге все равны». Рыбкин даже умудрился прогнать похоронную мафию, которая пыталась наладить забор тел покойников в его смены. А смерть в этом городе в последнее время совсем разгулялась. В какой-то момент покойников стало так много, что место в штатном холодильнике морга закончилось, поэтому Рыбкин начал сваливать мертвые тела прямо на пол у стен. «В тесноте да не в обиде» – поговаривал он.

Так в трудах и заботах почти незаметно проходили долгие суточные смены, и сегодня, Рыбкин, будучи на очередном ночном дежурстве, как обычно шел по своим владениям. Внезапно, он заметил странную больничную каталку с лежащим на ней неподвижным телом, что явно появилось здесь, в морге, без его ведома. Своим опытным взглядом, Рыбкин сразу заметил, что на левой ноге покойника не было бирки, или каких-либо других опознавательных знаков. По всей видимости, там наверху, в больнице, ночная смена врачей решила схитрить, и оформлять неопознанный труп никто не стал, а всю бумажную волокиту свалили на морг. «Долбаные олени, – начал громко осыпать Рыбкин ругательствами всех больничных докторов и санитаров, – Это походу с реанимации закатали «жмурика», втихушку без меня». «На него, наверное, и документов никаких нет, теперь запаришься оформлять, ну в следующий раз я им устрою. Я прикачу его обратно наверх и поставлю прямо у входа в кабинет главврача», – в сердцах ругался он.

Тем не менее работу санитаря никто не отменял, поэтому Рыбкину нужно было проверить, кого же ему привезли больничные санитары, поэтому он подошел поближе к каталке с неизвестным телом, и снова начал ругаться: «Ну, я им в следующий раз устрою, да как так-то

бля, еб вашу мать и ни документов, ни бирки, кто ты такой, откуда взялся, ведь ничего же нет». Немного остыв, Рыбкин смягчился. «Ладно, давай хоть посмотрю на тебя, кто ты таков», – пробурчал Рыбкин, склонившись неподвижным над телом, накрытым простынем. Внезапно, он заметил, что грязная серая ткань немного шевелится в районе рта покойника, но Рыбкина таким было не удивить, как говорится всякое в жизни бывало, поэтому вместо того, чтобы отпрыгнуть в ужасе, он со словами: «А сейчас мы проверим, живой ты или нет», – что есть силы ударил кулаком по лежащему на каталке телу, в район солнечного сплетения.

Глава 3 Первое знакомство на том свете.

Понедельник 11 Октября

Шесть часов утра, вокруг меня холодный и пугающий до самых поджилок подвал морга. Я сидел на больничной каталке, завернутый лишь в грязную простыню, от которой пахло так, что меня начинало тошнить и с ужасом смотрел на стоящую передо мной огромную фигуру человека в заляпанном кровью белом халате. Мой новый знакомый поневоле, расположился напротив меня возле соседней каталки, вальяжно опершись своей левой рукой на черный мешок с трупом, и монотонно повторял один и тот же вопрос:

–Тебя привезли сюда на скорой, а где же твои гребаные документы, пацан?

–Я с трудом пытался хоть что-нибудь ему ответить, но ничего не выходило. Меня всего трясло от холода и сильно тошнило. Кроме того, безумно болела моя голова, и левая рука почти не слушалась. Наверное, она была сломана. Единственное, что в тот момент я смог выговорить, бешено стуча своим зубами, так это: «Мнннеее холоддддно, ддддай что-нибудь согреться».

–Человек в больничном халате никак не реагировал на мои мольбы, жалость на него не действовала, наверное, он еще сам до конца не воспринимал меня как живого человека, поэтому он снова продолжил говорить будто бы сам с собой:

–«Тебя походу шестая бригада скорой привезла. Ну да. Кто же кроме них. Что мне теперь с тобой делать? Не регистрировать же как покойника бля» – задумчиво протянул он.

–«Ннее ннннадо, я жжжжиииииввввой», – испугавшись его слов, кое-как в ответ смог выговорить я.

–А вот суровому незнакомцу в белом халате, наоборот, внезапно понравилась эта идея. Он резко засиял от радости и продолжил размышлять вслух: «А что сейчас запишу тебя в карточку учета, затем откачу в обработку, там тебя быстро вскрою, выпотрошу, зашью, а после одену в черный макинтош, и утром твоим родственникам тебя такого красивого выдам».

–ННННетттту у мммменннния рррродственников», вообббще никаких. Нннннекому оооотдаваааать, – в ужасе, из последних сил пробормотал я.

–А что не так? – словно не слушая меня, насмешливо продолжал этот странный санитар, – Мы здесь быстро доделаем то, что ты сам не смог сделать. Ежели ты «суицидник», то тебя все равно уже списали. По твоему виду я вижу, что ты хотел разбиться насмерть. Прыгал то хоть откуда? С моста или с крыши? Дурак ты. Надо было еще выше лезть, а так вот сразу не убился, теперь всю жизнь будешь на колесиках кататься и в утку срать»

Я попытался что-то ответить на эти слова, но в этот раз вместо слов из моего рта послышались только невнятные звуки.

Огромному санитару в белом халате, похоже, вконец надоели мои заикания, поэтому он повернулся, и, не говоря ни слова, быстро ушел куда-то в ту часть морга, что была скрыта от меня за рядами больших, серых холодильников для хранения трупов. А у меня пересохло в горле от одной только мысли, что сейчас ему совсем ничего не стоит выполнить свое обещание и взять в свои руки пилу или еще какой-либо более жуткий инструмент для разделки мертвых тел. Что будет со мной после этого даже и представить страшно.

Вскоре санитар вернулся, но вместо пилы, в своих руках он держал небольшую железную кружку белого цвета. «На, пей, пока горячее, сразу станет легче» – приказал он мне, и сунул в лицо кружку, наполненную какой-то прозрачной, странно пахнущей жидкостью. Отказываться было нельзя, поэтому подавив отвращение, я залпом выпил почти все, что в ней было. Через мгновение мне и вправду стало лучше, исчезли дрожь и озноб, но вместе с тем тело охватила какая-то слабость и безвольность. Наверное, он в это поило, чего-то подмешал, – с ужасом подумал я.

–Ну что готов дальше разговаривать? – насмешливо спросил меня этот странный санитар.

– Да готов, – теперь уже четко и твердо ответил ему я, – Ты был прав, я просто хотел умереть. Спрыгнул вниз с 24 этажа, сам не знаю, как выжил».

– А может ты бессмертный? Я тут недавно видел один такой фильм, там мужик после падения из самолета остался жив, – вдруг заулыбался повеселевший санитар. Видимо он почувствовал, что сейчас имеет полную власть над моей жизнью и всецело наслаждался этим моментом.

– В ответ я промолчал, мне нечего было сказать в свое оправдание, не везло в жизни, теперь не везет в смерти. Затем, после некоторого раздумья, я грустно произнес: «Да похер, оформляй, чтобы два раза не делать, потом доделаю, что начал. Все равно уже назад пути нет».

– Санитар, услышав это, грубо выругался: «Вот ты сука, бля, дебил, не можешь даже умереть нормально, надо было петельку под потолок и все, тихо, чисто, мирно, ни крови, ни беспорядка. А так, ты развел канитель, полез на крышу прыгать. Любите вы молодые сейчас «понты» эти. Вот раньше люди были как люди – все делали качественно, жили и умирали четко, быстро, без лишних проблем. Ну да ладно, проехали. Как звать то тебя? Может Икар? – спросил у меня санитар и засмеялся тихим, прерывистым, словно икающим смехом.

– Нет, Илья – в ответ пробормотал я.

– Ну, похож, в общем-то, а я санитар Рыбкин. Может, слышал?

– Нет, не довелось.

На этом наш разговор застопорился, и, еще какое-то время этот странный человек по фамилии Рыбкин просто молча стоял напротив, меня, буравя насквозь своим тяжелым взглядом. А я в это время мучительно пытался понять, что же он все-таки задумал. Идея с моей смертью авансом, Рыбкину явно чем-то понравилась, хоть он и старался не подавать вида.

– Ладно, давай так, – вдруг деловито начал говорить Рыбкин, – С документами потом решим, а пока сиди здесь тихо как мышь. Я сейчас схожу на склад, найду тебе новую одежду и скоро, ближе к концу моей смены, выведу отсюда».

После этих слов, он снова ушел куда-то в другую часть помещения морга, а я, оставшись один, стал постепенно замерзать от холода. Согреться под одной простыней при почти что минусовой температуре в морге было практически невозможно. Очень скоро я сник, упал назад на каталку и провалился в темное забытие, из которого очнулся только после того как вернувшийся обратно Рыбкин разбудил меня, ударив кулаком вбок.

«Вставай бля», – грозно прикрикнул он, затем швырнул на мою каталку большой черный пакет и пояснил: «Здесь одежда, одевайся быстрее, а то моя смена скоро закончится. Как оденешься, выйди в коридор и стой там тихо, коси под родственника или посетителя, не выделяйся».

Видя, что я все еще плохо соображаю, Рыбкин сам схватил пакет с одеждой, и начал быстро доставать его содержимое. Первым делом он сунул мне в руки синюю олимпийку с белыми полосками, затем брюки, а в конце бросил на пол старые рваные кроссовки. «Быстро одевай все это, затем иди в коридор. Если кто из врачей там что спросит, скажи, что Рыбкина ждешь, они поймут» – строго сказал мне Рыбкин, и опять ушел куда-то вглубь холодного зала морга.

Одеваться, когда одна из твоих рук почти не работает представляет собой архисложную задачу. Первым делом я кое-как накинул олимпийку на свои плечи, а брюки бросил на пол, и только так смог просунуть ноги в штанины, а затем одеть, подтягивая вверх одной рукой. Откуда у Рыбкина взялась эта одежда, спрашивать было глупо, она вся была грязной, в каких-то странных пятнах и пахла давно не мытым телом. Тем не менее, это было все же лучше, чем выйти из морга совсем голым, или завернутым лишь в одну простыню, поэтому мне ничего не оставалось, как сделать то, что сказал Рыбкин. Когда брюки и куртка были, наконец, надеты на мое тело, я просунул свои ноги в кроссовки, а затем, с большим трудом, качаясь и пошатываясь, дошел до тяжелой железной двери морга, толкнул ее плечом и вышел в длинный,

узкий коридор подвала больницы. Здесь пока было пусто, ни души. Пройдя по этому коридору несколько метров, я прислонился к холодной стенке, окрашенной зеленой краской и стал терпеливо ожидать своей судьбы. Я мог бы конечно попробовать сбежать самостоятельно, но на это были нужны силы, которых у меня почти не осталось. Вдобавок ко всему моя голова разламывалась от того пошла, что дал мне выпить Рыбкин. Я не знал, что мне дальше делать и какой план для меня он придумал. Все, чего я хотел, так это побыстрее убраться куда-нибудь подальше из этого места, лучше всего туда, где тепло и можно будет поспать.

Очень скоро в этом узком больничном коридоре, перед входом в морг, где находился я, стали появляться первые ранние посетители. Вели себя все эти люди по-разному. Одни стояли молча и тихо словно тени, другие плакали, слышались их громкие всхлипы, а некоторые наоборот, оживленно металась между стенами узкого коридора, гневно сверкая глазами и все время что-то бормоча себе под нос. Был среди них даже один человек, который держался на некотором отдалении от всех, при этом вел себя он очень спокойно и даже надменно, как бы показывая своим видом, что уже получил по праву то, чего заслуживает, а значит, теперь ему осталось только завершить все формальности. Потерявшись в этой какофонии людских эмоций, я постепенно начал слабеть. Вокруг меня все начало кружиться, в кучу смешались окружающие людские лица, а мои ноги совсем подкосились. Я хотел опереться на стенку, но моя правая рука меня не слушалась, поэтому уткнувшись спиной в стену, я начал медленно оседать на пол. Люди, стоящие рядом, расступились, а те кто находились чуть дальше теперь испуганно смотрели в мою сторону. Внезапно, чья-то сильная рука подхватила меня за одежду и поставила на ноги. Повернув свою голову в сторону, я увидел, что это был Рыбкин. Он знаком приказал мне молчать, затем снова схватил за шкурку и потащил к выходу из больничного коридора, волоча за собой по полу, словно мешок с мусором.

–Куда мы идем?, – жалобно спросил его я.

–Домой» – сухо ответил Рыбкин и ускорил свой шаг.

Вместе, мы быстро преодолели длинный коридор, и вышли на улицу с черного, непарадного выхода из больницы. С той ее стороны, где находился лишь огороженный забором двор и ряды мусорных контейнеров. Огромный санитар Рыбкин изо всей своей недюжинной силы тащил меня за собой. Куда мы идем и зачем, я не знал, в моем сознании сохранились лишь обрывки тех событий.

После недолгой прогулки по улице, я и Рыбкин оказались возле какого-то старого, панельного, пятиэтажного дома, затем зашли в темный, обшарпанный подъезд. Лифта в этом доме не было, поэтому нам предстоял недолгий подъем наверх по узкой лестнице. Рыбкин без усталости тащил меня за собой вверх по ступенькам, словно паровоз. Наконец, он резко остановился на лестничной площадке третьего этажа. Пинком своей ноги, Рыбкин открыл дверь одной из квартир, и резко втолкнул меня внутрь какого-то очень странного жилища, откуда шел немного сладковатый запах. Увидев мрачный темный коридор старой «хрущевки», который выглядел словно спуск в преисподнюю, я испугался не на шутку. В моей голове сразу же всплыли все те леденящие душу истории, когда-либо увиденные мной в юности по телевизору, чаще всего это была телепрограмма «Криминальная страна» – полудокументальный сериал о всяких людоедах, серийных убийцах, и прочих маньяках всех мастей. «Бля, наверное, он здесь меня разделает, а потом сожрет, надо бежать пока еще есть силы» – испуганно подумал я. Тем временем Рыбкин следом за мной зашел в квартиру. Он закрыл за собой входную дверь и попытался протолкнуть меня еще дальше внутрь своего жилища, но внезапно в моем тисшедушном теле откуда-то появились свежие силы, и я начал сопротивляться. Вцепившись своей здоровой рукой в дверной проем, я уперся как осел и даже начал кричать слабым голосом. Через мгновение Рыбкину это надоело, и он со всей своей недюжинной силы, схватив меня за шкурку, бросил об пол. С размаху ударившись головой об деревянные доски пола, я почти сразу же потерял сознание, и последнее, что я запомнил, перед тем как провалиться в удушли-

вую темноту, так это глухой звук удара моей головы об пол и огромные ноги Рыбкина в черных резиновых галошах прямо напротив моего лица.

Глава 4 Утро в доме мясника

Среда 13 Октября

Ранним утром, я очнулся в незнакомой комнате, лежа на грязном, полосатом матрасе, постеленном прямо на полу вдоль стены. Моя голова спросонья очень плохо воспринимала новую информацию, поэтому мне потребовалось несколько минут, чтобы понять факт того что я нахожусь не у себя дома и не в больнице, а в чьей-то квартире. При этом я совершенно не помнил каким образом, я мог оказаться в этом месте. В моей памяти остались лишь обрывки событий последнего дня своей прошлой жизни: падение с крыши, холодный подвал морга, огромный санитар Рыбкин и его жуткие разговоры о смерти. «Он вроде бы вывел меня из больницы, а затем мы вместе с ним куда-то шли, но куда и зачем?» – на эти вопросы у меня не было ответов, а при попытках хоть что-нибудь вспомнить, моя голова начинала мучительно болеть.

В надежде найти хоть какие-то подсказки, я решил осмотреть окружающую меня обстановку. Кого-то картина увиденного могла бы повергнуть в шок, но для меня это была обычная убитая комната в обычной убитой квартире старой панельной «хрущевки». Ремонт, в этом жилище, наверное, не делали никогда с самого момента постройки дома, поэтому стены комнаты так и остались окрашенными строительной, темно-зеленой краской, которая местами уже облупилась со стен, на старом деревянном полу виднелись горы пыли и мусора, а белый оштукатуренный потолок потемнел от времени и стал серо-желтым. У противоположной стены комнаты, стояла раскладушка, с положенным поверх нее таким же как и меня, полосатым матрасом, схожим с теми, что обычно бывают в больницах. «Наверно, это постель хозяина этой квартиры» – решил я. Рядом с изголовьем этой импровизированной кровати располагалась деревянная тумбочка серого цвета, на которой стояли старые, механические, часы-будильник из белого пластика. Кроме того, в левом дальнем углу комнаты, возле окна, на старой облезлой табуретке возвышался совсем новенький «плоский» телевизор, который на фоне остальной обстановки этой комнаты выглядел словно пришелец из будущего.

«Полосатые матрасы, больничная тумбочка, бля, неужели я у Рыбкина? – с опаской подумал я, и от этого мне сразу же стало не по себе. Оказаться пленником в квартире этого странного, одержимого своей работой человека, совсем не входило в мои планы. Кто знает, что он задумал по поводу меня и к чему это приведет.

Мое самочувствие, несмотря на все странности того места, где я находился, стало намного лучше. Меня больше не трясло и не морозило, но моя левая рука теперь вовсе перестала слушаться и была неестественно тяжелой. Когда я посмотрел на нее, то увидел свежий эластичный бинт, намотанный по всей длине от плеча до запястья, а сама рука оказалась притянута к моему туловищу через самодельную перевязь фиксирующую мои плечо и локоть. «Кто же это сделал? – удивился я, – Неужели Рыбкин? Или возможно это был какой-то другой человек или врач, но тогда получается, что в этом месте, я провел уже несколько дней, не меньше».

Тем временем, за окном начинался новый день. Лучи яркого солнца пробивались внутрь комнаты сквозь пыльные стекла, а через открытую форточку было слышно пение птиц. От этой непривычной для себя картины, я как ребенок, позабыв о своих проблемах, уставился в окно. Видеть и слышать все это мне было невероятно приятно. «Значит, я все-таки жив, а все что находится вокруг меня не очень похоже на ад, но даже если он на самом деле такой, то жить здесь вполне можно» – радостно подумал я. Внезапно, внутри белых часов, стоящих на тумбочке, что-то щелкнуло, и они начали громко звонить, подпрыгивая от вибрации. Словно по сигналу этого будильника, за стеной комнаты, где находился я, что-то загремело, а затем послышались тяжелые шаги. Кто-то большой и сильный шел в мою сторону. В ожидании неведомого хозяина квартиры, я весь сжался от ужаса. Я ожидал увидеть жуткого маньяка с топо-

ром или ручной пилой, обрызганного кровью, но не тут-то было, в дверях показался мой недавний знакомый санитар Рыбкин. Только теперь вместо больничного халата на нем был одет обычный клетчатый кухонный фартук, повязанный прямо поверх трусов и заляпанной майки «алкоголички», а на свои ноги он нацепил домашние тапки с носками. Выглядел при этом Рыбкин вполне дружелюбно, словно добродушный семьянин средних лет. Будучи в хорошем расположении духа, он посмотрел на меня, и широко улыбаясь, произнес:

– Ну ты даешь спать. Я уже было подумал, что ты кони задвинул и хотел отнести тебя обратно в морг. Ты же почти сутки спал. Если бы тебя нашли на улице, то могли принять за покойника. Слышал когда-нибудь про летаргический сон?

– Нет, – соврал ему я. Хотя на самом деле конечно же я про это слышал, просто не хотелось тратить свои силы на бессмысленную полемику.

– Хотя да, – ехидно продолжал свою речь Рыбкин, – Я же ведь совсем забыл, что ты умер. Тебе теперь должно быть все равно».

– Умер? – удивленно переспросил его я, – Мне так не кажется. Я чувствую себя намного лучше, чем раньше, как-то не очень все это похоже на смерть.

– Нет, ты умер. Ты теперь покойник, – утвердительно ответил мне Рыбкин. Видимо он пытался убедить меня в своей правоте, хотя по его лицу было непонятно говорит он серьезно или шутит.

А я вообще ничего не понимал. Память о недавних событиях возвращалась ко мне очень медленно, словно просмотр фильм по очень медленному интернету: несколько минут есть картинка и все идет нормально, затем возникает пауза, изображение застывает, и приходится ждать пока загрузится еще немного, затем снова пауза и так до бесконечности.

– Как..... и..... когда я умер? – неуверенно спросил я у Рыбкина.

– В ответ Рыбкин криво усмехнулся и начал подробно объяснять: «Да как обычно ты умер, как и все. Ты же сам позавчера меня попросил все оформить, и вот на тебе, пожалуйста, теперь уже ничего не помнишь. А я как честный человек, все документы сделал и тебя уже даже похоронили. Ты кстати в курсе, что своей смертью ущерб государству нанес? Хоронили то ведь тебя за бюджетные деньги, то есть бесплатно. Зато тот безымянный бомж, которого закопали вместо тебя, просто счастливчик. Он теперь имеет твое имя и фамилию вместо бирки с номером».

– Понятно – вырвалось у меня, хотя, наверное, это было самое тупое, что можно сказать в такой ситуации. Ко мне, наконец, пришло осознание всей глупости своего решения и серьезности ситуации, в которой я сейчас оказался. Я еще не умер, но уже похоронил себя и свою жизнь. Не зная, что делать дальше, я в нерешительности тупо уставился на Рыбкина и спросил первое, что пришло мне в голову:

– А меня никто не искал?

– В ответ Рыбкин саркастически засмеялся, а затем ответил: «Да кого там, кому ты нужен. И еще это, я тут бинтами замотал тебе руку, там у тебя не перелом, так «фигня», вывих был сильный. Я вправил, как умею, через несколько дней повязку можешь снять. Косяков быть не должно, я ведь одно время в травме на приемке работал, – гордо добавил он.

После этих слов, Рыбкин прошел в комнату и со всего размаху рухнул на свою раскладушку, которая чуть не сложилась от его огромного веса. Достав из-под подушки пульт, Рыбкин включил телевизор и стал смотреть какой-то мрачный сериал про бандитские разборки. Я же просто молча сидел на своем матрасе, в углу у стены, не зная, что мне дальше делать. Через некоторое время Рыбкин, словно вспомнив что-то важное, повернулся ко мне и сказал:

– А ты, кстати, молодец, что умирать отправился с паспортом. Это очень предусмотрительно, а так бы пришлось тебя как неопознанного «жмурика» оформлять. Я кстати твой паспорт случайно нашел, когда на больничной мусорке шарился. Твою одежду туда видимо со скорой помощи выкинули. Они кстати тебя даже в реанимацию не стали завозить, сразу спу-

стили в морг. Думали, наверное, что раз ты упал с такой высоты, значит все труп. А ты оказался ебааааать какой живчик.

– Да я просто забыл выбросить этот долбаный паспорт, – ответил Рыбкину я, – Таскал его в кармане постоянно в последнее время, потом хотел зажигалкой подпалить, но она сломалась.

– Вернуть паспорт тебе уже не смогу, его только родственникам можно выдавать, – как бы извиняясь, проговорил Рыбкин.

Я оперся на свою здоровую руку и попытался встать с матраса, но от долгого лежания, мои ноги онемели и плохо слушались, поэтому я снова присел обратно. Я был подавлен и растерян. Особых планов, что делать дальше у меня не было, а умирать снова почему-то уже не хотелось. Мне нужно было придумать что-то, найти для себя новый смысл жизни, но какой? О чем может мечтать живой покойник? Наверное, мне опять придется плыть по течению и ждать куда вынесет водоворот событий.

Через некоторое время раздумий, меня вдруг осенило. Я вопрошающе посмотрел на Рыбкина и спросил:

– Слушай, а можно я еще пару дней у тебя поживу?

– Да хоть неделю живи, но тогда с тебя пиво и готовка еды, – добродушно рассмеялся он.

Получить кров в этой старой, убитой квартире ебнутого на всю голову мясника оказалось весьма легко, но вот для того чтобы определиться, что мне делать дальше, нужно было узнать, что же изменилось в этом мире после моей смерти. Проще всего и быстрее такую информацию можно получить из сети интернет. Понимая всю «бредовость» своего вопроса, я все же решил поинтересоваться по этому поводу у Рыбкина:

– Слушай, а у тебя есть здесь компьютер или ноутбук с интернетом?

– В ответ Рыбкин поморщился: «Есть ноутбук, только там походу какой-то вирус вылез, на экране все время висит картинка с разными «хуями», и пишет, что надо деньги отправить. Глянешь его?» А то я, если честно, особо в ваших «интернетах» ничего не понимаю и не сижу, а вот в «Самолеты» раньше играл, люблю я такое дело».

– Может в танки? – переспросил я его.

– Не, – сказал Рыбкин, – Танки не мое – Там все всё время кустах прячутся и целят в друг друга. Не люблю я такую шляпу. Мне нравится, чтобы все было в открытую, в чистом небе – один на один, по-честному».

– Ладно, – сказал я, – Посмотрю твой «ноут», что там за картинки.

– Смотри, – ответил Рыбкин, – Он на кухне лежит, на подоконнике. А я спать буду, со смены только утром пришел, можешь шуметь, я все равно ничего не услышу».

– Слушай, а у тебя есть что-нибудь пожрать? – спросил его я.

– Ну ты наглый, – удивился Рыбкин, – Да, что-то было в холодильнике, не помню, глянь сам и там подсуетись на кухне, – лениво добавил он.

– А если не секрет, откуда у тебя ноутбук? – удивленно спросил его я.

Услышав мои слова, Рыбкин от возмущения даже приподнялся с раскладушки и обиженно постучал кулаком по своей голове.

– Бляяяя, как откуда, ты совсем «придураченный» что ли? – Купил в кредит, как и все. Или ты что думаешь, мне кредиты не дают? После этой фразы Рыбкин посмотрел на меня таким тяжелым, пристальным взглядом, что я поспешил как можно быстрее встать со своего матраса и обратиться из этой комнаты в кухню.

Квартира, в которой проживал Рыбкин, не обладал огромными размерами или большим количеством комнат. По сути, она состояла из 1 комнаты средних размеров и небольшой кухни, соединенных между собой узким коридором с небольшим ответвлением на совмещенную ванную и туалет. Пройдя по этому коридору, я оказался на крошечной кухне 2 на 3 метра. Здесь господствовали все те же минимализм и спартанская обстановка, что и в комнате. Мебели и техники было немного: в одном углу стояла заляпанная жиром газовая плита и огромный ста-

рый холодильник марки ЗИЛ с хромированной ручкой и логотипом как у машины, а в другом виднелась ржавая раковина без мойки. На стене висело несколько кривых шкафов с незакрывающимися дверками. Посредине стоял белый кухонный стол с облупленным пластиком и пара черных табуреток. Стены в этой кухне, как и в комнате, также были окрашены старой строительной краской, только еще более мерзкого, темно-коричневого цвета, поэтому со стороны они выглядели, словно облитыми дерьмом. На подоконнике, возле полуоткрытого окна, действительно лежал ноутбук, немного потертый, но с виду вполне целый. «Ладно, стоп, – решил я, – В начале, мне нужно хоть что-нибудь поесть».

С интересом и опаской я открыл дверцу холодильника ЗИЛ. Внутри него, к моему удивлению, не оказалось разделанных кусков тел или отрезанных голов. Вместо этого на одной из полок лежала вполне обычная булка хлеба, а рядом с ней большой кусок соленого сала и очищенная луковица. Все это выглядело не особо аппетитно, но все же лучше, чем ничего. Кроме того, на другой полке лежала еще и соль. «Интересно, – подумал я, – А зачем Рыбкин морозит соль в холодильнике? Может так вкуснее? Ну да ладно».

Порывшись по кухонным шкафам, я нашел еще и чайник, зачем-то убранный на верхнюю полку, и крикнул Рыбкину через стену:

–А Чайник у тебя рабочий?

–Да. – прокричал он.

–А почему ты им не пользуешься?

–Потому что не пью чай.

Выяснить что-либо дальше у Рыбкина мне было совсем не интересно. Странное место, странный человек, но самое главное в этом, что чайник работает и мне не придется давиться сырой водой из-под крана. Когда все вопросы с моим обедом были наконец решены, я уселся за кухонный стол и включил ноутбук. На его экране, сразу же после окна загрузки, появилось сообщение с предложением отправить определенную сумму на нужный счет, а под этим текстом красовалась подборка интересных картинок рейтинга 18+, которую я бы назвал «для ценителей». «Хорошо, что это не шифровальщик, – радостно подумал я, – А простенький вымогатель в автозапуске». Пара кликов мышкой, перезапуск компьютера, и от этого порнобаннера не осталось и следа.

Теперь наконец мне можно было спокойно приступить к обзору местных новостей. Для этого я запустил на рабочем столе компьютера интернет-браузер и стал внимательно просматривать все местные новостные сайты, а также посты в группах социальных сетей. Я хотел найти хоть какие-то заметки или упоминания о собственной смерти, но к моему удивлению и даже разочарованию, моя трагическая гибель не оставила хоть сколько-нибудь заметного следа в городских хрониках. В местных новостях промелькнула всего лишь одна небольшая заметка, про сорвавшегося с крыши человека, причем в комментариях под этой новостью, все люди в основном жалели не погибшего, а другого человека – местного таксиста, на машину, которого и упал незадачливый самоубийца, то есть я. Такая реакция была вполне ожидаемой. Ничего удивительного. Огромный город-монстр даже не заметил, как проглотил еще одну жертву, и теперь никому до ней нет дела. Очередная смерть стала лишь еще одной каплей в бесконечном водовороте человеческих жизней. Упал с крыши и умер – вот итог жизни человека длиною в три десятка лет. Звучит печально, но это правда, на которую глупо обижаться.

«Какой же сегодня день недели? – подумал я, – Наверное, четверг. Значит уже два дня, как я не появлялся на своей работе. Уж там то точно должны были начать меня искать. Но даже если они мне звонили, то мобильного телефона у меня с собой нет, он либо выпал и разбился при падении с крыши, либо его кто-то забрал».

«Кхм», – вдруг послышался мне громкий кашель. На пороге кухни внезапно появился Рыбкин. Он подошел к столу, за которым сидел я, и со словами: «Совсем ведь забыл про

подарки», – положил передо мной разбитый сотовый телефон и какие-то странные листы бумаги с текстом и синими печатями.

–Что это? – удивленно спросил его я.

–Прикинь, вчера еще телефон нашел в мусорке возле больницы, походу тоже со скорой выкинули, им, наверное, слишком «стремный» показался. А я взял, посмотри может это твой?».

Я не верил своим глазам, да, это действительно было мой телефон, только теперь весь его экран еще сильнее покрылся трещинами.

– Вроде мой, – ответил я, – Правда разбит немного, но может еще работает, ладно, спасибо, я чуть попозже попробую включить его.

Отложив свой сотовый телефон в сторону, я начал смотреть те бумаги, что дал мне Рыбкин, но толком ничего в них не понимал. Судя по всему, это были какие-то больничные справки с обилием различных печатей, исписанные корявым, почти неразборчивым почерком, что делало их похожими на египетские скрижали с иероглифами.

– Видя мое замешательство, Рыбкин сам великодушно пояснил: «Это справки из морга, в общем здесь написано, что ты теперь покойник».

Услышав его слова, я опешил. Такого поворота событий я совсем не ожидал, мне трудно было поверить в то, что такое вообще возможно, поэтому я застыл в немом молчании.

–Вот видишь, я не шутил, когда сказал, что ты умер. Чего теперь собираешься делать? – как бы с издёвкой, спросил меня Рыбкин. Он, по-видимому, был вполне доволен своей не то злой шуткой, не то экспериментом, решив уже окончательно упрочиться в роли вершителя человеческих судеб.

Зачем он это сделал для меня так и осталось неясным. Наверное, в тот момент Рыбкин уже дошел до такой степени крайности, когда ты перестаешь бояться, чего бы то ни было, и в какой-то мере это был его протест против существующей системы, когда еще живого человека отправляют в морг, рассчитывая на то, что по пути в это место он умрет.

–Даже не знаю, мне подумать нужно, – ответил я Рыбкину, и, опустив глаза, спрятался за экраном ноутбука.

Первым делом, я решил проверить свой мобильный телефон. Для этого я нажал на кнопку включения, расположенную сбоку на его корпусе. Экран телефона сразу же ярко засветился, он был покрыт трещинами, но кое-что на нем все же можно было разглядеть. Остатка заряда аккумулятора почти не оставалось, возможно его хватило бы всего на несколько минут, поэтому мне нужно было действовать очень быстро. В меню телефона я увидел несколько десятков пропущенных вызовов, большей частью от хозяйки съемной квартиры, но были также звонки и с моей работы. В остальном все чисто, никаких сообщений от «друзей» или «знакомых», ведь я уже давно почти ни с кем не общался, а со всех соцсетей тихо, мирно удалился за несколько недель до своего «полета в лучшую жизнь». «Что же пока все вполне логично, – думал я, – Хозяйке нужны были деньги за съем жилья, это понятно, а с работы звонили, потому что искали, куда же я потерялся, ведь я должен был сделать там что-то важное». При воспоминании об этом, в мою голову полезли странные мысли: «Что-то осталось недоделанным, но я не мог вспомнить, о чем шла речь. Появиться на своем рабочем месте мне было очень важно, только вот зачем?». И тут я внезапно заметил, что Рыбкин не ушел из кухни, а все еще молчаливо стоял напротив меня в ожидании ответа. Я пристально посмотрел на него и пододвинул своей рукой справки с печатями к краю стола. Рыбкин посмотрел на них, затем на меня и задал мне свой главный вопрос, словно давая надежду на возврат к обычной жизни: «Так что ты решил в итоге? Бумаги-то я порву?».

Это был тот момент, когда мне нужно было снова выбрать свой путь – туда или обратно. Вернуться в начальную точку или наоборот, сломав всю систему, стать тем, кто вне общества, неприкасаемым, своего рода сбоем в матрице. Поле недолгих раздумий, я выбрал второе, и,

посмотрев на Рыбкина, уже совсем другим взглядом – взглядом свободного человека, произнес: «Нет, не нужно, пусть все остается как есть, все нормально».

Услышав это, теперь уже Рыбкин удивленно покосился на меня и произнес: «Ну, как скажешь». Наверное, он уже и сам не понимал, что я задумал и почему принял эту тупую шутку как сигнал к действию. Но, по-видимому, очень скоро Рыбкину стало на это абсолютно равно, поэтому он пожал плечами и пошел обратно в свою комнату спать. Засыпал он быстро, почти по-военному, поэтому всего лишь через пару минут я уже слышал из-за стены его мощный храп.

А я продолжал сидеть за кухонным столом, думая о тех справках, что мне показал Рыбкин, о своей работе, и о том, что же теперь мне делать дальше. Почему же так случается, что на выбор и размышление всего самого важного что случается в жизни дается всего лишь несколько секунд? Почему все главные решения в жизни мы принимаем мгновенно? На эти вопросы не так-то просто ответить. Мне сложно объяснить это даже самому себе. Нелегко, снова отказаться от жизни в тот момент, когда судьба дала тебе шанс жить вопреки происходящему.

Я мог бы еще очень долго сидеть в мрачной квартире Рыбкина, но мне пора было двигаться дальше. Главное только не забыть о том, чтобы поблагодарить хозяина за гостеприимство. Я встал со стула, закрыл крышку ноутбука и направился к выходу из квартиры. Проходя по коридору мимо дверей комнаты, где спал Рыбкин, я остановился и крикнул ему: «Я ухожу, слышишь, закрой входную дверь». Услышав это, Рыбкин проснулся и недовольно пробурчал мне в ответ: «Да забей, не надо ничего закрывать, все знают, кто тут живет, никто сюда не зайдет».

– Ладно, тогда прощай и спасибо – произнес я, и, закрыв за собой старую, обитую каким-то странным коричневым материалом дверь, вышел из квартиры Рыбкина на лестничную клетку. На обшарпанной стене подъезда, напротив квартиры Рыбкина кто-то красной краской оставил надпись «Helbo» и под ней стрелку с указанием на дверь. «Надо хотя бы запомнить его адрес, – подумал я, – вдруг еще пригодится». Оказавшись на улице, я начал рассматривать пятиэтажку, где жил Рыбкин. С виду в ней не было чего-то особенного, обычное облезшее от времени здание, каких тысячи по всей стране. Таблички с названием улицы на стене дома не оказалось, сохранился только его номер 66, а рядом с ним виднелась нарисованная из баллончика еще одна буква шесть и свастика, а чуть ниже нее реклама мессенджер-канала по продаже спайса. «Что же видимо не судьба» – вздохнул я, и зашагал в направлении ближайшей остановки общественного транспорта.

Глава 5 Поработай сверхурочно.

Среда 13 Октября

Каждый мой рабочий день на протяжении нескольких последних лет проходил в офисе компании с громким и длинным названием «Нефтегазоилтрэйдинг». В целом, здесь всегда неплохо, никаких дурацких опенспэйсов или прозрачных стен, у каждого отдела и у начальства имеются свои отдельные помещения. Кроме того, для рядового сотрудника есть множество других плюсов: чисто, тепло, летом дует кондиционер, зимой греют обогреватели, а также есть кулер с водой и почти бесплатный кофе. Один только минус, время в этом месте всегда тянется очень медленно, поэтому чтобы хоть как-то сократить свой рабочий день у каждого сотрудника этой компании имеются свои маленькие уловки. Утром почти все они обычно опаздывают, при этом делая вид, что очень спешили, затем медленно варят себе кофе, ведь без него невозможно начать продуктивно и быстро работать, а после кофе-брейка им нужно обязательно обсудить события прошлого вечера или выходных, так как такое общение укрепляет дружественные связи в коллективе, можно сказать, что это почти «тимбилдинг». Ближе к полудню, когда весь кофе выпит, а новости рассказаны, сотрудники офиса прячутся за своими мониторами, делая вид что усердно трудятся, чтобы дождаться обеда, на который обычно уходят пораньше, а возвращаться с него не торопятся. После плотного обеда всю эту офисную братию ждет еще немного суеты или как я ее называю «ИБД» (имитации бурной деятельности) перед начальством, а затем они снова попрячутся кто-куда, в ожидании завершения рабочего дня. Но даже среди таких, не особо любящих свою работу, «офисников» есть отдельная категория или даже каста сотрудников, отличающаяся особым умением убивать время – это курильщики. Их умение устраивать перекур по поводу и без, значительно сокращает и так не особо длинный рабочий день. Некурящие «офисники», в свою очередь, видя такую несправедливость, конечно же, обижаются, но сделать ничего не могут, поскольку начальство тоже иногда любит подымить, чтобы успокоить свои нервы.

Вновь прибывшие в такой дружный коллектив поначалу еще хоть как-то пытаются сопротивляться такой всеобщей прокрастинации, но вскоре их тоже затягивает в это болото. Всему виной, наверное, хитро вывернутая система мотивации, когда, сделав десять тысяч задач, ты вместо премии получишь еще одну, десять тысяч первую. В какой-то момент при таком режиме работы в человеке что-то ломается, и он понимает, что лучше быть ленивой, но счастливой черепахой, чем загнанной лошадей. Какой конец ждет лошадей известно всем, а вот черепахи живут сотнями лет.

Главное правило успешного выживания в таком офисе это не выделяться, поэтому я точно также, как и все тихо, мирно сижу в своей небольшой комнате на третьем этаже модного бизнес-центра. Желающих работать со мной в одном помещении не нашлось, поэтому напротив меня сиротливо стоит пустой стол. В этой компании я по сути никто, странный и непонятный для многих персонаж. Я айти-специалист, админ, эникейщик, сисадмин, некоторые даже называют меня программистом. Я слежу за тем, чтобы все компьютеры в этом офисе работали, принтеры печатали, а самое главное, чтобы у всех всегда был доступ в интернет. Моя работа вроде бы не особо пыльная, но иногда все же случаются «запары», чаще всего из-за собственной тупости или жадности начальства, поэтому мне приходится зависать в офисе допоздна. В целом главный минус моей работы в том, что никто из остальных коллег-офисников толком не понимает, чем я занимаюсь, поэтому пока всё у всех работает, они считают меня не более чем нахлебником на шее у компании. Среди них также находятся особо наглые личности, которые часто ходят ко мне с просьбами починить их личный чайник, компьютер или телефон, и, будучи посланными мною куда подальше, в ответ таращат на меня свои глаза, строя из себя «обиженных», а некоторые даже пытаются пристыдить меня словами: «Ты что, не можешь это

сделать? Ведь это же так легко», на что я обычно отвечаю: «Раз легко, делайте сами». Довольно часто ко мне также обращаются различные офисные лентяи со своими хитрыми вопросами, поэтому приходится отбиваться от этих «халявщиков», пытающихся переложить на тебя свою работу. Это легко сделать, вставив в диалог какой-нибудь вопрос, чтобы заставить человека объяснять, или описывать свою задачу подробно, а лучше письменно, в тексте.

Примерный телефонный диалог меня – «Я» и ленивого офисника – «О», в таком случае выглядит так:

О: Ало, мне нужно сделать отчет, а программа не работает, сделайте так чтобы все считало.

Я: А считало, что и где простите?

О: В программе.

Я: В какой программе?

О: В офисной программе

Я: Они все офисные, ведь дело происходит в офисе.

Обычно, после нескольких фраз в таком духе, недовольный и ленивый «офисник» в сердцах бросает телефонную трубку, либо резко прекращает переписку в рабочем чате, а после долго сотрясает воздух вокруг себя проклятиями о том, как все вокруг мешают ему работать и только он, один, здесь борется за благополучие этой компании. Но иногда бывает, что попадают и более упорные сотрудники, которых не пугают мои вопросы, поэтому чтобы избавиться от них у меня есть другие способы, например, такой:

О: Подойди и посмотри у меня на экране, я подожду.

Я: Я занят, могу помочь позже.

О: Хорошо, буду ждать.

Затем я обычно делаю вид, что забыл об этом разговоре или притворяюсь что был занят, и так до следующего раза. Бывают конечно же в моей работе и вполне адекватные просьбы или задачи, но чаще всего почему-то случаются именно такие рабочие перепалки, словно мы перекидываем друг другу горячую картофелину. Кроме того, особой изюминкой моей работы служат исчезнувшие буквально накануне ответственных совещаний файлы отчетов, докладов, презентаций и других супер-важных документов. Начинается все это примерно так: сотрудник компании в ужасе звонит мне и просит срочно восстановить отчет, который он так старательно делал целую неделю, но почему-то так и не сподобился сохранить ни одной копии. Я решительно включаюсь в работу, внимательно ищу нужный файл на жестком диске компьютера сотрудника, а затем выношу свой вердикт – ничего нет и не было. После этого начинается театр одного актера. Изумленный моими словами сотрудник таращит на меня свои глаза со словами: «Как? Не может быть этого, всё же было здесь буквально 5 минут назад, а потом на экране появилась ошибка и все сломалось, во всем виновата ваша система. Верните мне мой файл во чтобы то ни стало». Смотря на все это, я обычно жалею, что не являюсь режиссером театра или кино, поэтому не в состоянии оценить актерский талант и мастерство импровизации такого сотрудника, да и вообще за долгие годы работы меня уже трудно чем-то удивить, поэтому в такие словесные перепалки я обычно не влезаяю, а лишь пожав плечами, молча возвращаюсь к себе в комнату.

Так в постоянной скуке и мелких ссорах с коллегами обычно проходило большинство моих офисных будней. Примерно также начинался и тот день, о котором к настоящему времени я уже почти забыл. Вроде бы это был обычный понедельник. По офисным меркам он почему-то всегда считается более тяжелым днем недели, чем остальные, поэтому все рабочие процессы обычно плавно ставятся на паузу, чтобы хоть немного отдохнуть от выходных. В то утро в нашем офисе все начиналось как обычно: долгий перерыв на кофе, разговоры о наболевшем, сидение за компьютерами с сонным видом, затем народ потихоньку начал готовиться к обеду, как вдруг, неспешное течение жизни прервало неожиданное событие. Примерно в половине

двенадцатого дня, когда в у меня животе уже начинались позывы голода и урчание, в мою комнату внезапно нагрянул генеральный директор нашего холдинга Валентин Владленович или как его все у нас здесь за глаза называли наш «Мега-Шеф». Он всегда очень быстр, вечно спешит, ведь у него мало времени, поэтому он требует и от своих подчиненных того же самого, быть с ним на одной скорости. «Быстро, настрой мне мой новый телефон» – не здороваясь, выпалил «Мега-Шеф» и сунул мне в руки свою очередную дорогую игрушку, смартфон, на который с моей зарплаты нужно было копить примерно полгода. Безумно дорогой кусочек электроники, в блестящем металлическом корпусе с логотипом надкусанного фрукта. «Мега-Шеф» и сам внешне был чем-то похож на этот телефон, такой же длинный, тонкий, завернутый в яркую обертку из дорогих шмоток. В последнее время он нечасто, но всегда неожиданно приезжал из-за границы, нагружал всех работой, а затем также внезапно исчезал. Генерация идей в его голове явно превышала мою, поэтому увидев, как я задумчиво кручу в руках это «черное зеркало», «Мега-шеф» произнес: «Ладно, делай все, что тебе нужно, а я забегу через полчаса». После этих слов, он быстро вышел из моей комнаты. «Интересно сколько времени по его логике я должен был настраивать этот телефон? – с грустью подумал я, – Возможно, «Мега-шеф» считал, что я смогу настроить его телефон секунды за три, даже не прикасаясь, просто легким взглядом покрасневших глаз».

В итоге у меня ушло около пятнадцати минут на то, чтобы победить это вражеское устройство. Я подключил «Мега-шефу» местный вайфай, настроил доступ в интернет и электронную почту. Бегать, искать его по офису я конечно же не стал, а просто положил его телефон на стол и стал спокойно дожидаться, когда он объявится снова. «Мега-шеф» не заставил себя ждать и вскоре появился в моей комнате. Он молниеносно подскочил к моему столу, схватил свой телефон в руки, а затем, смотря не на меня, а в его экран, проговорил: «Значит так, на следующей неделе приедешь ко мне домой, нужно будет **поработать сверхурочно**», и, не дожидаясь моего ответа, быстро вышел из комнаты.

С того момента прошло не так много времени, всего одна неделя, а я уже изменился почти до неузнаваемости, теперь моя левая рука замотана в бинты, на мне одежда, снятая с покойника и телефон, выживший после падения с 50 метровой высоты. Но самое главное событие, произошедшее со мной, это то, что официально я умер, а значит ходить на работу мне больше не нужно, и не помешало бы получить свой расчет. Находясь в квартире у санитара Рыбкина, я подумал: «А что, если я соберусь и приду на свою работу, просто так без какого-либо повода? Приду уже в новом статусе, как ходячий покойник. Будет ли кому-то до этого дело? Станут ли меня снимать на мобильные телефоны? Может быть я даже попаду на первые полосы новостей?» С этими мыслями я покинул квартиру Рыбкина и направился к ближайшей остановке городского транспорта, чтобы доехать до своей работы. Моя одежда – спортивный костюм известной китайской марки «Абибас» синего цвета, и стоптанные кеды. Была у меня правда еще и кепка с плохо отстиранными бурыми пятнами, но ее я сразу же выкинул в форточку. О происхождении моей одежды оставалось только догадываться, Рыбкин не говорил, а я и не спрашивал. Хотя он все же надулся на меня, когда я сказал ему что «потерял кепку». Рыбкин поначалу долго не мог понять, куда же она могла исчезнуть из его комнаты в квартире, а затем сказал: «Блин ну ты даешь хорошая же была кепка, можно было еще носить и носить». На что я ответил ему что он «Плюшкин», но так как Рыбкин не знал такого, и что это был за тип, то он очень грозно посмотрел на меня, и моя шутка прошла мимо.

Я, конечно же, хотел сменить эту мерзкую одежду на что-то другое, более нормальное и уже наконец помыться, но к себе домой, на съемную квартиру, мне возвращаться было опасно. Я не платил арендную плату уже несколько месяцев, при этом постоянно кормил «завтраками» хозяйку квартиры и ее наглого толстого сына. В прошлый раз он приходил ко мне за деньгами с бейсбольной битой, корчил из себя крутого, но в итоге ничего не осмелился сделать, только лишь долго и грязно ругался со мной через закрытую дверь. Если я сейчас поеду в свою квар-

тиру, то, скорее всего на этот раз сынок хозяйки придет не один, а со своими дружками и тогда мне точно несдобровать. «Нет, не дождетесь, – решил я, – пусть лучше думают, что я сбежал навсегда, а в счет долгов за квартиру им достанутся все мои вещи и коллекция избранного порно в старом ноутбуке».

В той съемной квартире я жил один, каких-то близких родственников в этом городе у меня не было, близких друзей и знакомых тоже. С своими родителями мои пути уже давно разошлись. От уже покойного отца-алкоголика в наследство мне достались лишь кривые ноги и напутствие, что учение свет, а не ученье тьма. Моя мать, оставшись одна после его смерти, в последние годы ударилась в религию, и, переписав нашу квартиру на церковь, ушла в монастырь. Так, к 30 годам я остался совсем один, и понял, что, в этом безумной мире наиболее простой и понятный образ жизни лишь тот, когда ты можешь рассчитывать только на самого себя. Ты ни от кого не зависишь, никто не ожидает от тебя чего-либо сверхъестественного, ты никогда никого не разочаруешь, и уж точно никогда не сможешь не оправдать чьих-то надежд.

Детство и юность, проведенные за компьютером, научили меня воспринимать собственную жизнь как игру. Она неизбежно ставит перед тобой выбор: принять ее правила, и постепенно стать тем, кого ты так презирал в молодости – скучная ленивая жизнь в кредит по поводу и без, семья и дети, которым от тебя нужны только деньги, бессмысленный замкнутый круг работа-дом-работа, либо наоборот – отказаться от всего этого, идти своим путем, играть только по своим правилам, и тогда результат будет зависеть только от тебя. Все, что для этого нужно это лишь немного удачи и самоотречения. Выбрать такой путь трудно, ведь никто заранее не знает, каков будет результат. Но ясно одно, всему в этой жизни есть своя цена. И самая дорогая плата за успех, это время, то есть та валюта, в которой чаще всего измеряется человеческая жизнь. Время всегда иллюзорно, для кого-то его много, для кого-то мало, кому-то чтобы сделать что-то важное хватит и минуты, а кому-то не хватает целой жизни. Я всегда тратил свое время, не особо задумываясь над последствиями, несколько лет туда, несколько лет сюда, мне не жалко, у меня же все еще впереди. Расплата за такое наплевательское отношение к своей жизни наступает неизбежно. Но чаще всего это происходит только тогда, когда ничего уже нельзя изменить, поэтому тебе остается лишь наблюдать за происходящим вокруг себя и доживать остаток своих дней. Это похоже на медленную, мучительную пытку. Каждый день тянется бесконечно долго, однообразно и тошнотворно, а ты ждешь только одного – смерти как избавления от своих страданий. Для особо нетерпеливых, не любящих долго ждать, конечно же есть самой простой способ разом все прекратить, но для этого нужно решиться на поступок, и перестать ценить свою жизнь выше всего на свете. Говорят, самоубийство удел слабых. Сильные продолжают жить, во что бы то ни стало. Но почему же тогда все эти «сильные» так цепляются за свою жизнь, что готовы ради нее убивать, мучать, калечить других людей? И все это лишь ради того, чтобы прожить хотя бы на один день дольше, чем остальные. Впрочем, в этом нет ничего удивительного. Человек всегда были и остается животным, поэтому безумное желание выжить побеждает все наносное, все те навязанные приличия и запреты общества, морали, религии. Не зря же в нацистских концлагерях, в так называемые «зондеркоманды» набирали наиболее крепких и сильных узников. Они знали, что им предстоит сжигать в печах тела не только своих сограждан, но даже родственников, и тем не менее все равно шли на подобную работу, чтобы выжить.

Выйдя из квартиры, где меня на время великодушно приютил санитар Рыбкин, я совсем незаметно для себя оказался на ближайшей остановке общественного транспорта. Денег на проезд с собой я, конечно же не имел, и раньше этот факт заставил бы меня пойти пешком. Сейчас же, я, на правах живого покойника, смело зашел в троллейбус, и сразу же отмахнулся от насевшей на меня толстой женщины-кондуктора, жестом показав, что у меня нет денег. Она закричала «Быстро выходим» и попыталась высадить меня на следующей остановке, но куда

там, я вышел через одну дверь, а затем снова зашел в троллейбус, только теперь уже через другую, со словами: «Ну по одной остановке то можно проехать». Услышав мои слова, толстая кондукторша отвернулась в сторону и сделала вид, словно меня вообще не существует. А я, удобно устроившись в хвосте троллейбуса, облокотился на поручни и стал смотреть на небольшой рекламный видеоэкран, висящий на стенке кабины водителя. Там как раз показывали гороскоп на текущую неделю. Увиденное предсказание меня удивило: «Вам не помешает сменить свой образ жизни» – так звучал мой прогноз. Что же, наверное это какой-то знак, подумал я.

Доехав до нужного места, я покинул троллейбус на одну остановку ранее. Не то чтобы я от кого-то прятался, просто увидел неподалеку киоски с фастфудом и подумал, что мне совсем не помешало бы немного подкрепиться перед работой. «Но на еду тебе тоже нужны деньги, – возразил мне мой разум, – Где же их взять? Легко. Теперь для меня все просто. Если раньше я со своей нормальной внешностью и пугливым мировоззрением стеснялся просить и унижаться, боясь упасть в глазах чужих, незнакомых мне людей, то теперь все эти правила приличия и прочая «лабуда», придуманная обществом для того, чтобы держать человека в узде, стала для меня ничем. Обосновавшись на тротуаре, неподалеку от киосков с едой, я стал просить деньги у проходящих мимо людей, с жалобным видом, тыкая им в лицо своей забинтованной рукой. Примерно через полчаса, набрав достаточную сумму, я купил в одном из близлежащих киосков огромную шаверму и стакан кофе. Неподалеку от меня стояло несколько кривых пластиковых столов и стульев белого цвета, усевшись за одним них, я впервые за несколько дней наконец смог нормально поесть. «А у загробной жизни оказывается тоже есть свои плюсы, – подумал я, – Можно быть вполне довольным жизнью, при этом не работать, да и вообще ничего не делать».

Пора было мне уже появиться в офисе. Скоро 9 часов утра, время начала рабочего дня, негоже опаздывать на работу, даже если ты покойник. Здание бизнес-центра, где я работал, располагалось неподалеку, буквально в пяти минутах ходьбы. С собой у меня не было карточки электронно пропуска, но сегодня, по-моему, должен был дежурить охранник, которой знал меня в лицо. Мне повезло, когда я оказался на проходной первого этажа здания бизнес-центра, турникет был открыт в обе стороны, а охранник вообще читал газету, отвернувшись к стенке. Я быстро поднялся к себе на нужный этаж по лестнице, стараясь не попадаться на глаза кому-либо из знакомых. «Хм, а здесь особо ничего не изменилось, подумал я, – все по-старому, запах вареного кофе, бумажки, долгие хождения по кабинетам с деловым видом». Мне удалось не заметно проскользнуть по коридору в свою комнату, ее дверь была не заперта, замок на ней сломался еще месяц назад и на мое счастье его еще не починили. «Что же мне теперь делать дальше? – подумал я, – Для начала, можно было бы пойти в бухгалтерию и потребовать расчет, но это опасно и может привлечь лишнее внимание. Как же мне добыть хоть немного денег? Оставалось только воспользоваться кое-какими запасами из моего склада офисного оборудования. Возможно, хоть что-то из этого удастся выгодно продать». Что же сказано, сделано, и я начал спешно рыться по ящикам и полкам шкафов в своей комнате, доставая коробки с тем немногим компьютерным барахлом, что мне удалось накопить за долгие годы работы. Внезапно дверь моей комнаты открылась и передо мной появилась секретарша «Мега-шефа», дама лет 35-40, с довольно интересным именем София, при этом весьма невзрачная на вид. Она не пользовалась макияжем и почти всегда носила строгие костюмы темного цвета в сочетании с длинными юбками. При виде меня, ее маленькие круглые глазки под толстыми стеклами очков резко округлились от неожиданности, но через секунду, когда первое замешательство прошло, они приняли прежний вид и бешено засверкали. Войдя в роль начальника, офис-менеджер София, словно копируя своего шефа, начала говорить со мной очень быстро, с придыханием, как будто задыхаясь: «Привет, куда ты пропал? Тебя наш шеф ищет уже второй день. Мы тоже всем офисом тебя ищем, уже с ног сбились».

Я молча слушал ее, думая о том, как же меня всегда бесила и до сих пор бесит подобная манера общения этой секретарши и некоторых других сотрудников офиса, которые считали себя «приближенными к власти». Такие люди часто отождествляли себя с компанией словом – мы. «Мы решили», «у нас так принято», «у нас вот так», обычно такими формулировками в этой конторе всегда прикрывались для принятия каких-то уж совсем идиотских или просто неудобных для сотрудников решений, чтобы все выглядело так, будто к тебе обращается не наемная офисная крыса, а не дать не взять соучредитель, или сам генеральный директор. Я не стал изобретать что-то в свое оправдание и в ответ секретарше Софии буркнул правду: «Упал с крыши». На что она, по-видимому, не разобрав, что я сказал, пристально посмотрела на меня из-под стекол своих очков, а затем громко произнесла строгим голосом: «И что это причина, по которой можно не приходить на работу?» От ее вопроса мне стало настолько смешно, что не смог удержаться и прыснул, зажав себе лицо руками. Давясь от смеха, я кое-как смог выдавить из себя ответ: «Думаю, что – да». А секретарша, будто не слыша меня, продолжила свою речь, с еще более строгим выражением лица: «Не вижу в этом ничего смешного. Шеф очень недоволен и требовал срочно вызвать тебя к нему. Сегодня край нужно приехать к нему домой». Услышав эти слова, я замер. Поездка в гости к «Мега-шефу» явно входила в мои планы, но зато теперь я, наконец, вспомнил, зачем же мне требовалось появиться в офисе. Как же я мог о таком забыть. Но на всякий случай я все же решил уточнить свою задачу у секретарши:

–А что мне там нужно будет делать?

–Он не сказал.

–Так может позвонить и спросить?

–Злобин, (а это если что моя фамилия) ты что сумасшедший? – Возмутилась София, – Не хватало еще, чтобы за такие вопросы меня уволили вместе с тобой.

Ехать в гости к «Мега-шефу», да еще и в таком виде, мне точно не хотелось, поэтому я попытался отказаться от этого дела, но все мои отговорки звучали не очень убедительно:

–У меня нет денег на проезд, и я не знаю, где живет наш шеф, – начал лепить я первое что пришло в голову.

–Тебя отвезет наш водитель, – парировала секретарша София.

–Ого, а у нас что есть водитель? – я уже почти издеваясь над ней.

–Не шути, это серьезно. Ты же знаешь, что если шефу очень нужно, он всех на уши поставит.

Я конечно же все прекрасно понимал, просто тянул время, потому что пока не мог придумать, как же мне теперь отвертеться от этого дела. Знал я и нашего офисного водителя. Фамилии его толком никто не помнил. Все вокруг обычно звали его по имени и должности – «Саша-водитель». Это был высокий, сухощавый, очень суетной человек, возрастом около сорока лет, при этом виски его головы были уже весьма обильно покрыты сединой, что создавало некий диссонанс его еще не очень старого лица и почти стариковской шевелюры. Будучи «придворным», то есть тем сотрудником, который выполняет все личные поручения генерального директора, формально этот «Саша-водитель» все же числился в штате компании и должен был обслуживать офис. В реале же он делал это очень редко, и вообще кое-как, потому что постоянно находился в полной готовности к выполнению сверхважных поручений «Мега-шефа», например, таких как съездить за коньяком в магазин или отвезти его жену, сестру, брата, друга или еще кого-либо, по своим делам. В последнее время, этот «Саша-водитель» занимался вопросами ремонта бесчисленного автопарка «Мега-шефа» и его жены. Он научился весьма умело использовать все эти поручения «Мега-шефа», чтобы отбиваться от остальных офисных задач, при этом, не забывая выполнять просьбы только нужных ему, значимых в офисе людей. Мое сегодняшнее внезапное появление в офисе и запоздалое спецзадание от «Мега-шефа» спутало все его планы. Выслушав задание от секретарши, «Саша-водитель» состроил кислую мину,

затем недовольно посмотрел на меня и произнес: «Ладно, поехали, только быстро». Мне ничего не оставалось, как согласиться и последовать за ним.

Мы спустились на парковку возле здания бизнес-центра, а затем на служебной машине выехали в направлении жилища «Мега-шефа», пытаясь как можно быстрее прорваться сквозь пробки состоящие из огромных потоков машин. Примерно через час такой напряженной езды, мы, наконец, оказались на самой окраине города, у большой развязки многополосной кольцевой дороги, что шла вокруг всего города. «Саша-Водитель» как обычно куда-то спешил, поэтому настороженно спросил у меня:

– Ты же знаешь, где живет наш шеф, был у него?

– Нет, – соврал в ответ ему я. Хотя, на самом деле, я бывал у «Мега-шефа» несколько раз, но так как это было очень давно, примерно два года назад, то плохо помнил, где находится это место.

Я хотел доехать напрямиком до жилища «Мега-Шефа», но у «Саши-Водителя» на все случаи жизни был свой план, поэтому он деловито произнес:

– Слушай, мне нужно срочно ехать по делам, давай я довезу тебя до поворота с этой трассы к поселку, а дальше ты уже сам дорогу найдешь?

– Как хочешь, найду сам, наверное, – равнодушно ответил ему я.

Я так легко согласился с предложением «Саши-Водителя», потому что подумал, что это мой шанс сбежать, и тем самым в очередной раз исчезнуть в никуда.

«Саша-Водитель», наконец, остановил свою машину и высадил меня возле не очень приметного поворота с широкого кольцевого шоссе на узкую лесную аллею. В этом месте не было каких-либо указателей или знаков, так что если не знать о наличии здесь поворота, то можно легко проехать мимо, что, в общем-то, и делал весь остальной поток машин, едущий из города и обратно. Зачем кому-то афишировать, что в этом месте есть дорога, которая ведет к тому месту, где живут не совсем обычные люди? Сразу же появятся журналисты, а также разного рода активисты, сующие свои длинные носы туда, куда не следует. Они будут постоянно находиться рядом, что-то выискивать, вынюхивать, снимать все на свои камеры, тем самым мешая вести нормальную жизнь тем, кому в этой жизни повезло чуть больше остальных.

Смотря в след уезжающей служебной машине, я зачем-то с грустью подумал, что обратно мне придется добираться на чем придется. Вот только куда добираться? Где теперь находится мое обратное, я не знал. Каждый мой следующий шаг в этой истории становился все более странным, чем предыдущий. Вначале крыша здания, потом морг, затем чужая квартира и вот я уже стою посередине какого-то леса без документов, без денег и без каких-либо дальнейших мыслей о том, что мне делать дальше. Первым моим желанием было немедленно бежать отсюда, просто идти напрямиком через лес, куда глаза глядят, но вряд ли я со своей городской смекалкой смогу выжить в таких условиях хотя бы несколько дней. Мне оставалось только одно – смириться и проследовать к месту назначения – дому «Мега-Шефа».

Итак, я понуро двинулся по асфальтовой дороге, ведущей куда-то вглубь лесного массива. Через пару километров пути, я наконец уперся в глухие ворота черного цвета, на которых висели какие-то нелепые кованые гербы и вензеля. «Наверное, здесь, – подумал я, – дальше дороги нет, и этот забор мне не обойти». Действительно, в обе стороны от ворот, далеко в лес, уходил огромный, более 4 метров в высоту, серый, забор из серого бетона. Постояв немного в раздумье, я подошел к воротам и нажал кнопку вызова на панели встроенного домофона. Из динамика мне сразу же послышался недовольный голос охранника: «Вы к кому?». С трудом вспомнив фамилию «Мега-шефа», я медленно продиктовал ее по буквам в домофон, а затем стал ждать ответа. Внезапно, рядом с воротами, прямо в стене забора открылась небольшая скрытая дверь, и оттуда, словно из-под земли появился местный охранник. Он был стар, невысок и полноват, одетый в некое подобие мундира гвардейца – зеленый китель с золотыми пуговицами, видимо, жильцы в этом поселке фанатели от имперской символики прошлых веков.

Для полноты образа этому охраннику не хватало высокого кивера на голове, да белых лосин, тогда бы он стал точь-в-точь, словно солдат с полей сражений 18 века. Но видимо, фантазии и финансов жильцов поселка, хватило только на китель, поэтому охранник по-своему дополнил этот образ, одев вполне современные военные камуфляжные брюки, а на свою голову он нацепил спортивную кепку черного цвета. Этот пожилой страж ворот был несказанно удивлен и даже слегка напуган появлением в этом месте странного, похожего на бомжа, человека, с левой рукой на перевязи, да к тому же еще и пришедшего сюда в одиночку, на своих двоих, без какой-либо машины или сопровождения. Поначалу, он, как и всякий нормальный охранник, конечно же, попытался меня прогнать, но, видя, что я так просто не уйду, потребовал мой паспорт, которого у меня по понятным причинам не было. В любом другой случае, следующим этапом должен был стать вызов наряда полиции, но я четко и ясно называл фамилию того человека, к которому пришел, поэтому охранник, видимо побаиваясь быть наказанным, на всякий случай решил проверить так ли это. Он злобно посмотрел на меня, а затем знаками показал пройти следом через дверь в заборе, в будку охраны. Охранник решил вначале записать мое имя и фамилию, а затем позвонить «Мега-Шефу» для разбирательств. Недолго думая, я назвался Ильясом Коневинским, чем вызвал еще большее раздражение «командира шлагбаума». Ему пришлось несколько раз переспрашивать мое имя и фамилию, а также фамилию того, к кому я приехал, и только после этого сказав мне: «Жди тут», охранник ушел звонить «Мега-шефу».

В ожидании ответа, я мысленно представлял себе этот диалог:

–Добрый день. Это с охраны. Тут это к вам Ильяс.

Какой Ильяс?

–Коневинский. Впустить его?

–А кто это? Не знаю такого. Гоните его прочь.

–Но он говорит, что к вам пришел, по делу.

Я рисковал и больше всего в тот момент боялся, что этот бравый охранник все же решится вызвать полицию и тогда моей новой, счастливой, загробной жизни придет конец. На мою удачу эти страхи не оправдались, и все прошло гладко. Охраннику по-видимому приказали меня впустить. Он еще раз подозрительно посмотрел на меня, поморщился, а затем махнув рукой, сказав: «Иди сейчас прямо по средней улице поселка, нужный тебе дом номер 31 будет по левую сторону».

Покинув будку охраны, я, наконец, оказался за забором, вернее с другой его стороны, теперь уже на территории элитного поселка. Это место представляло собой островок идиллии и спокойствия, отгороженный от безумного внешнего мира. Передо мной, вдаль, насколько хватало взгляда, виднелись роскошные жилые дома на любой вкус, размер, цвет. Высота их была разной, от одного до трех и более этажей, а рядом с ними располагались какие-то бесчисленные пристройки, бани, бассейны, летние домики, гаражи, на парковках перед домами стояли дорогие машины. Все это оставляло смешанное впечатление, с одной стороны конечно красиво, а с другой меня слегка коробило от осознания того, что в этом месте миллионы и миллиарды «бабосов» вложены в безумное желание жить как крестьяне. В самой дальней части поселка, на некотором отдалении от всех домов, виднелись остроконечные башни какого-то очень большого дома, похожего на готический замок, но, по-видимому, уже давно никому не нужного, потому как на стене одной из его башен висела облезшая, давно выцветшая растяжка с надписью: «Продается». «Вот уж точно дом людоеда» – подумал я и двинулся вперед по центральной улице поселка в поисках нужного мне дома номер 31.

«Мега-шеф» среди всего этого архитектурного мракобесия был в каком-то роде новатор. Его дом совсем не походил ни на избу крестьянина, ни на дворец наркобарона, ни тем более на замок скупого рыцаря. «Мега-шеф» построил свое жилище, используя самые современные идеи своего времени, подсмотренные им во время своих многочисленных путешествий по миру. На фасаде его домане было ничего лишнего, никакой лепнины, колонн, узоров и прочей

ерунды, все строго и лаконично, только строгие прямые формы, чередование черного стекла и серого бетона. Забором вокруг участка его дома служила лишь невысокая живая изгородь, а от нее до самых стен дома простирался сплошной зеленый газон. Даже дорожка через лужайку, ведущая от улицы к дому, у «Мега-Шефа» была сделана по-особенному – в виде парящего над травой стеклянного навеса. Удостоверившись, что это действительно нужный мне адрес, я подошел к входной двери дома «Мега-Шефа», сделанной из какого-то очень толстого темного стекла и нажал кнопку звонка домофона. К моему удивлению, дверь мне открыл не слуга или консьерж-охранник, а «Мега-Шеф», самолично. Одет он был при этом весьма непривычно, в длинный, почти до пола, белый халат из толстой мягкой ткани, расшитый различными узорами из позолоченных ниток. Через полуоткрытую дверь «Мега-Шеф» сразу же уставился на меня своим жестким, пронизывающим насквозь взглядом. Наверное, его все же удивил мой странный внешний вид: рука на перевязи, грязная, старая одежда, но его внезапное замешательство было недолгим. Через мгновение «Мега-Шеф» быстро опомнился, вспомнил кто есть, кто и как обычно в своем стиле начал «бомбардировать» меня вопросами, словно проводя блиц-опрос на время: «А это ты? Почему так долго? Что с рукой? Где ты был?». Поняв, что я не успеваю даже подумать над ответами из-за высокой скорости его вопросов, «Мега-Шеф» осекся, замолчал, а затем пробормотал: «Ладно, входи», и впустил меня внутрь дома. Хоть я и немного помнил, как выглядел интерьер в доме у «Мега-шефа», но оказавшись здесь снова, понял, что с того момента все кардинально изменилось. От прежней цыганщины и дурного вкуса не осталось и следа. Следуя модным течениям в мире, «Мега-Шеф» теперь оформил гостиную своего дома в стиле лофт, поэтому теперь я стоял в огромном, пустом, светлом холле с минимумом каких-либо архитектурных изысков. Гладкие белые стены и потолок ярко контрастировали с темным деревянным полом, а вся стена от пола до потолка по левую сторону от меня представляло собой огромное прозрачное окно, сквозь которое было видно дома соседей, на противоположной стороне улицы. В дальней части этой гостиной по правую сторону от меня виднелся большой камин и стоящий перед ним белый кожаный диван, а также два кресла. В самом центре холла располагалась массивная лестница, из черного дерева, которая, по-видимому вела наверх на другие этажи этого дома.

–Как тебе?» – с довольным видом спросил меня «Мега-шеф», показав своей рукой на стену из стекла.

–Нормально, – безразлично ответил я.

–А ведь снаружи ничего не видно. Ты же ведь не видел? – переспросил он меня. Ты, наверное, даже не понял, что это было окно? А я скажу почему, это такая тонировка, можно ее выключить, включить, регулировать, так что шторы не нужны – похвастался мне «Мега-шеф».

Он дал мне еще немного времени, чтобы оценить интерьер гостиной своего дома, а затем быстро пояснил цель моего нахождения здесь: «Так, смотри, через пару часов приедет моя жена, а у меня сейчас разговор по видеосвязи с ээээпартнером очень важный, но недавно в моем ноутбуке что-то обновилось и теперь ничего не работает. Посмотри его и быстро сделай так, чтобы все работало». После этих слов, «Мега-шеф» резко потерял ко мне всякий интерес. Достав из кармана халата свой сотовый телефон, он начал кому-то звонить, и чтобы я не подслушивал, ушел в правый угол холла в сторону камина. Я сразу же попытался уточнить у «Мега-шефа» подробности «спецзадания», спросив:

–Подождите, а где же мне искать ваш ноутбук?

–«Мега-шеф» остановился и на секунду задумался, словно он и сам не помнил, где в последний раз видел свой ноутбук, а затем ответил, показывая указательным пальцем руки в сторону лестницы, ведущей наверх: «Поищи там, на втором этаже.... в спальне, третья дверь слева, она открыта и давай только быстро».

Я быстро забежал наверх по этой лестнице, и оказался на втором этаже дома. Здесь меня встретил длинный широкий коридор, который тянулся вдоль всего дома. Я быстро прошел

по нему, в поисках нужной мне двери, и вскоре оказался в той самой спальне, о которой мне сказал «Мега-Шеф», где увидел лежащий на большой, широкой кровати ноутбук. Я сразу же попробовал его включить, но при нажатии на кнопку питания ничего не происходило, скорее всего, у него батарея разрядилась, а зарядного устройства как назло нигде не было видно. Мне ничего не оставалось, как вернуться обратно и спросить у «Мега-шефа» о местонахождении зарядки для «ноута». Подойдя к перилам лестницы, я вдруг услышал доносящиеся откуда-то снизу громкие звуки льющейся воды, словно кто-то решил наполнить большую ванную или бассейн. Затем до меня донесся приглушенный голос «Мега-шефа»:

– Ну что там? Если все готово, то иди сюда, здесь сразу под лестницей есть дверь в другую комнату.

– У вас села батарея, мне нужно зарядное для ноутбука. Где мне его искать? – крикнул я ему в ответ.

– Ищи лучше, там оно, где-то в моей сумке лежало, и тащи быстрее все сюда. Нет времени. – прокричал мне «Мега-шеф».

Я снова вернулся в спальню, где лежал ноутбук «Мега-Шефа», и после недолгих поисков действительно обнаружил, что на полу возле изголовья кровати лежит большая кожаная сумка коричневого цвета. Положив ее на кровать, я в спешке начал копаться в ее бесчисленных отсеках и карманах. Чтобы хоть как-то ускорить свои поиски, я решил вытрясти из нее все содержимое наружу, для этого я перевернул коричневую сумку вверх ногами и начал трясти. Изнутри посыпались различные мелкие и крупные предметы: ключи от автомобилей, какие-то пульта, брелоки, различные бумаги, визитки, документы, но зарядного, как назло так и не оказалось. В итоге после недолгих поисков оно все-таки было найдено мной под кроватью, а весь хлам из сумки, я в спешке кое-как запихал обратно. С чувством удовлетворения от почти успешно выполненного задания, я спустился вниз по лестнице, держа ноутбук и зарядное в своих руках, но «Мега-шефа» на первом этаже дома нигде не было видно. «Иди сюда, в другую комнату» – послышался мне его глухой голос. Обойдя всю лестницу кругом, я, наконец, заметил полуоткрытую белую дверь, которая издали была почти неразличима на фоне стены. По-видимому, она вела в другую, потайную часть дома, недоступную для обычных гостей. В свои прошлые визиты к «Мега-шефу» я никогда не бывал в этом помещении, поэтому его назначение для меня было загадкой. «А уж не пригласил ли меня «Мега-шеф» для чего-то другого? Кто его знает, чему он там научился в своих «Европах», – полезли в мою голову различные пошлые мысли, и неприятный холодок прошел по спине. «Хм, вроде бы шеф никогда не был замечен в подобном, да и женат он, хотя кто его знает. Ладно будь что будет, – решил я, – Обрато отступить уже поздно». Я решительно дернул ручку двери, и, переступив через порог, оказался в другом, меньшим по площади, но тоже довольно просторном помещении, стены которого в отличии от основного холла первого этажа дома были красиво стилизованы под старинную кирпичную кладку, при этом одна из них представляла собой широкое стеклянное окно с видом на задний двор. «М-да, что-то здесь обстановка не совсем похожа на бизнес встречу с партнером по видеосвязи» – оглядевшись по сторонам, подумал я, и мои подозрения по поводу ориентации «Мега-шефа» от этого еще более усилились. Неподалеку от меня, у стены стоял большой деревянный резной стол, обильно уставленный различной дорожной посудой, приборами, и бутылками с алкоголем, кроме того на нем виднелось несколько больших подсвечников с зажженными свечами. Выглядело все это так словно «Мега-шеф» приготовился к романтическому вечеру или к свиданию. Интересно какова будет моя роль во всем этом деле? – думал я. Как оказалось, самое интересное меня ожидало чуть дальше, неподалеку от стола, почти что в самом центре комнаты, словно памятник на постаменте, возвышалась огромная ванная, отлитая из какого-то темного металла, возможно бронзы или меди, очень похожая на те, что я когда-то видел на картинах убранств дворянских домов 19 века. В своей жизни я никогда не видел ничего подобного, поэтому на некоторое время даже застыл

в восхищении. Действительно, эта ванная являла собой произведение искусства: массивные толстые ножки в виде лап льва или какого-то другого хищника удерживали ее на полу, краны смесителя тускло отсвечивали медью, а сбоку, на ее стенке висел герб в виде головы льва и скрещенных мечей. Дополнялось все это великолепие, фоновым видом из большого панорамного окна, выходявшего на задний двор дома, где росло множество деревьев и кустарников.

Пока я находился в легком ступоре от увиденного, «Мега-шеф» не терял времени даром. Он закончил наливать воду в ванную, затем насыпал туда специальной пены, параллельно наблюдая за моей реакцией. Заметив, что я слегка «подвис» от удивления, он великодушно пояснил: «Помнишь был такой старый фильм с Эдди Мерфи? Ну, когда он из Африки в Америку приехал, чтобы невесту себе искать. Нет? Ну да ладно. В общем, в нем была сцена, когда его слуга сделал себе ремонт в их съемной квартире, а посередине комнаты он поставил ванную, и потом лежа в ней телек смотрел. Понимаешь, мы с моим «корешом», когда-то давно, лет 20 назад смотрели эту киношку, и мечтали, что также будем жить. Так вот, я недавно вспомнил про это, и загорелся мыслью сделать себе такое. Ну и как видишь, все готово, поэтому я хочу сейчас позвонить своему «корешу» по видеосвязи и все показать. Ты давай быстрее включай ноутбук, запускай видеосвязь, а затем направь на меня камеру. И главное, поставь все ровно, а сам молчи, пока я буду разговаривать».

–Так аккумулятор же разряжен» – с грустью в голосе возразил ему я.

–Ну, подключай тогда зарядное от розетки, – раздраженно выпалил «Мега-шеф». Она здесь в углу, возле стола и затем держи ноутбук в руках. Хватит тебе провода?

–Не знаю, сейчас проверю – ответил я.

Увидев розетку, расположенную на небольшом выступе-ступеньке неподалеку от стола, я спешно подключил в нее зарядное устройство и включил ноутбук. А «Мега-Шеф» тем временем подошел к столу и налил себе почти полный бокал шампанского. С этим наполненным бокалом в руках, он вернулся к ванной, поставил его на край и приготовился войти в воду. В своем длинном белом халате, расшитом нитями золотого цвета «Мега-шеф» был чем-то похож на боксера перед выходом на ринг, не хватало только перчаток и пафосной музыки. «А погоди, забыл, – вдруг спохватился «Мега-Шеф», – Подержи еще мое кольцо, а то не дай бог оно в воде спадет». Легким небрежным жестом он сдернул со своего худого пальца широкое золотое кольцо с большим прозрачным камнем, и протянул мне. Это кольцо несомненно было безумно дорогим, как и почти все в этом доме, но я не очень разбирался во всяких ювелирных побрякушках, поэтому, быстро, не глядя, сунул его в карман своей куртки и задернул молнию. «Мега-шеф», увидев это, посмотрел на меня удивленными глазами, но ничего не сказал. Видимо он ожидал совсем другой реакции.

Наконец все было готово к началу водных процедур. «Мега-шеф» подошел к ванной и начал развязывать длинный широкий пояс на своем халате. «Отвернись», – приказал он мне, – бесит, когда кто-то пялится». Прикрыв свое лицо ноутбуком, я услышал, как «Мега-шеф» скинул с себя халат и плюхнулся в ванную. «Все, поворачивайся», – сказал он мне. В этот момент из динамиков ноутбука зазвучала мелодия видео-вызова. «Ответь быстро и направь камеру на меня» – шепотом приказал мне Мега-Шеф, а сам принял позу в стиле «жизнь удалась», вальяжно восседая в наполненной водой ванне, с бокалом шампанского в руке. Я нажал кнопку «принять вызов», и сразу же услышал незнакомый мне мужской голос. Видимо это и был тот самый «кореш», для которого все затевалось. «Да-да, Валенок это ты?» – неуверенно спросил у «Мега-Шефа» незнакомец. Поднеси ближе, – сделал мне знак «Мега-шеф», и я почти вплотную приблизился к краю ванной, держа ноутбук в своих руках. «Ну что Андрюха, здорова, видишь меня?» – смеясь спросил у своего собеседника «Мега-шеф». Из динамиков ноутбука тоже послышался смех: «Вижу конечно. Здорова, братан, где это ты? Это что у тебя за джакузи в гостиной?». «Покажи ему все вокруг» – шепотом приказал мне «Мега-шеф», и я немного покрутил камерой ноутбука по сторонам, так чтобы приятель «Мега-шефа» смог

лучше рассмотреть окружающую обстановку. «Ну что видишь, как я приспособился? Вместо дивана – теперь ванна. Так-то. Учись студент» – продолжал хвастаться своему другу «Мега-шеф». «Ладно, ладно, уделал, что тут еще сказать» – смеясь, отвечал «Мега-Шефу» сидящий где-то там далеко за своим компьютером, невидимый для меня Андриуха.

Далее между «Мега-шефом» и его приятелем начался долгий, деловой разговор, обильно наполненный рабочими терминами, матерными ругательствами, а также иностранными словечками, изредка прерываемый случайными воспоминаниями своих прошлых походов и приключений. Я же все это время стоял возле железного края ванной, наполовину согнувшись, пытаюсь держать в своих руках ноутбук очень ровно, так, чтобы «Мега-шеф» не выпал из кадра и думал о том, что теперь я уже даже не человек, а всего лишь подставка для ноутбука. Да, это максимум чего я смог добиться за свою жизнь, и в какой-то мере для меня это предел, на большее я не способен. Мне остается лишь смириться с этим и посоветовать на свою горькую судьбу. И, наверное, будь я тем прежним собой до моего прыжка с крыши двухдневной давности, все так бы и закончилось. После этой моральной и физической экзекуции под руководством «Мега-Шефа», я бы вернулся к себе домой, выпил кружку дешевого пойла и подумал, что все не так плохо, как кажется, ведь меня могли и вовсе уволить, что стало бы полной катастрофой для моего и без того тощего бюджета. Нет ничего хуже, чем внезапно остаться без работы, не имея хотя бы даже минимальных накоплений. Текущие расходы очень быстро съедят остатки скудного бюджета, и придется в очередной раз обратиться за помощью к кредитным картам, постепенно затягивая себя в трясины банковской кабалы. Так могло произойти раньше, но теперь я уже был совсем другим человеком, ведь для всего мира, официально, я умер, а значит, мне стало абсолютно «пофигу» на все условности и правила этого мира. Внутри меня вдруг стало зарождаться иное, ранее незнакомое мне чувство гордости и собственного достоинства. От этого мне вдруг стало казаться, что я начал расти вверх, в высоту, но не очень быстро, а по чуть-чуть, потихонечку, помаленечку. Каждую секунду, сантиметр за сантиметром, я поднимался все выше и выше. В своих мечтах я поначалу немного завис над ванной с лежащим в ней «Мега-Шефом», затем поднялся еще выше и чуть не задел своей головой большую люстру на потолке. Еще через несколько мгновений мой рост увеличился настолько, что я с большой силой ударился своей головой о потолок, а затем пробил его насквозь. Продолжая двигаться вверх, я прошел через второй этаж дома и снова уперся в еще один потолок. Все происходящее поначалу не очень нравилось мне. Всеми силами я хотел остановить свой безумный рост, и для этого мысленно кричал себе: «Стой, хватит, больше не нужно», но остановить этот процесс было невозможно. Продолжая расти вверх, я снова пробил своей головой потолок и теперь оказался на третьем этаже дома. Здесь были какие-то комнаты, с большими шкафами, набитыми вещами и прочим бесполезным хламом. Дальнейший мой путь был только вверх, поэтому я подрос еще на несколько метров, прошел сквозь крышу дома как нож сквозь масло, и наконец, стряхнув со своей головы осколки стекла и черепицы, смог нормально осмотреться. С такой большой высоты мне стали видны все близлежащие окрестности вокруг дома «Мега-Шефа», особняки его соседей, высокий забор, окружающий поселок, а за ним бескрайние леса, поля, дороги. Смотря на все это, я не верил своим глазам. Как же я мог раньше не замечать такое? Оказывается, что жизнь вокруг меня намного интереснее и ярче, чем все то, что происходит здесь и сейчас в этом поселке за высоким забором. Новая картина мира с высоты птичьего полета, невероятно впечатлила и поразила меня. Внезапно, я понял ради чего мне на самом деле стоит жить, осталось только избавиться от оков своего прошлого, расправить свои плечи и освободить руки, широко раскинув их в стороны. Нет, теперь меня уже никому не остановить. Ведь я совсем другой человек. Я стал выше всех ваших идиотских правил субординации начальник – подчиненный, выше раболепия и пресмыкательств, выше всех этих нелепых домов, заборов, выше любых границ этого мира.

На этом мой внезапный, стремительный рост вверх резко остановился. Сделав глубокий вдох свежего воздуха с большой высоты, я снова вернулся в реальность. «Да какого хрена? А что он вам сказал? Посылайте его подальше» – эти фразы были слышны откуда-то снизу, как плохое радио, которое хотелось поскорее выключить, чтобы насладиться тишиной. И я сделал это. Ноутбук выпал из моих рук в наполненную водой ванную, и разговор «Мега-шефа» со своим приятелем резко прекратился. В этом помещении наконец, воцарилась долгожданная тишина. Я повернулся и быстро пошел к выходу, слыша, как за моей спиной бьется о стенки ванной тело «Мега-Шефа» в предсмертных конвульсиях. Дойдя до выхода из этой комнаты, я остановился в нерешительности. Осознание только что совершенного убийства человека, постепенно приходило ко мне. Я пока еще сам толком не понимал, зачем я это сделал. Не то, чтобы я ненавидел «Мега-Шефа» или мстил ему за что-то. Особых причин для этого у меня не было. Я всегда был сторонником жизни по принципу «кто на что учился, тот там и пригодился». Кто же виноват кроме меня, в том, что я просидел все свое детство и молодость за играми в компьютерных классах, в то время как другие люди – более умные и успешные делили деньги, власть, бизнесы. Прими я в этом участие, возможно тоже смог бы урвать свой кусок пирога. В глубине души я даже немного жалел своего шефа, ведь, это так нелепо – умереть в самом расцвете сил, с кучей возможностей, денег и свободного времени. Мне трудно себе представить, что «Мега-Шеф» почувствовал в ту самую последнюю секунду, когда его тело прошел электрический разряд. Хотя, наверное, он даже толком ничего не успел понять, просто в его голове резко выключился свет и все, темнота. В любом случае «Мега-Шефу» было уже все равно, а мне, если я не хочу провести остаток своих дней за решеткой, предстояло действовать очень быстро. По словам «Мега-шефа» через 30-40 минут, а может быть и раньше, в дом должна была вернуться его жена, а с ней, возможно, будет, кто-то еще из прислуги или охраны. До этого времени мне нужно было успеть избавиться от всех важных улик – стереть свои отпечатки и все записи с камер видеонаблюдения. Как не странно, но в этом доме когда-то давно были установлены скрытые камеры, по причине из-за маниакальной одержимости моего шефа современными технологиями, к тому же ему почему-то просто нравилось иногда посмотреть на себя со стороны. Я знал об этом больше, чем кто-либо другой, потому что примерно два года назад, сам настраивал эти камеры. Все случилось как это часто бывает по воле случая. «Мега-шеф» тогда разругался с фирмой по установке систем видеонаблюдения и кинул их с оплатой. В ответ на это они бросили работу, не закончив на самом важном месте. После этого «Мега-шеф» вдруг резко вспомнил про меня, и, недолго думая, отправил к себе в дом разбираться, что ему там понаделали, и конечно же потребовал в сжатые сроки собрать всю эту систему воедино. Тогда я провел в доме «Мега-Шефа» несколько дней, живя в кладовой или как это сейчас модно говорить – в гардеробной, но суть от этого не меняется. Там было тесно, темно и мрачно, но это оказалось единственным местом в доме, где можно было расположиться, чтобы не дышать строительной пылью и хоть немного заглушить звуки перфораторов, так как в остальной его части рабочие делали ремонт. Вот поэтому я очень хорошо знал, где в доме «Мега-Шефа» находится скрытая серверная с хранилищем для архива видеозаписей. А располагалась она в небольшой кладовой на втором этаже дома, скрытая за одежным шкафом с потайной дверью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.